

Жюльетта Бенцони

Маньчжурская принцесса

Жюльетта Бенцони
Маньчжурская принцесса
Серия «Женщины средиземноморского
экспресса», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158716
Бенцони Ж. Маньчжурская принцесса : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65262-4
Оригинал: JulietteBenzoni, "LA PRINCESSE MANDCHOUÉ"

Перевод:
Константин С. Нечеев
Сергей Юрьевич Нечеев

Аннотация

Принцесса Орхидея из старинного маньчжурского рода была отправлена в стан европейцев как шпионка, но, полюбив французского дипломата, стала его женой и союзницей. Чувствуя за собой вину перед родиной, она решается на кражу Нефритового Лотоса, драгоценности, принадлежавшей когда-то китайской императрице. Девушка мечтает вернуть Лотос в Китай, но в ночь кражи с ее мужем происходит несчастье... Спасаясь от полиции, обвинившей во всем маньчжурку, принцесса покидает Францию на Средиземноморском экспрессе. Но то, что планировалось как побег, становится для Орхидеи удивительным путешествием, полным загадок и приключений...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Жюльетта Бенцони

Маньчжурская принцесса

«Нельзя идти, любясь звездами, если в твоём ботинке камень».
Лао Цзы

Copyright © Editions Julliard, Paris, 1991

Пролог

Июль 1918 года, вокзал в Шалон-сюр-Марн...

Санитарный поезд должен был вот-вот тронуться. Все двадцать три вагона, вытянутые вдоль платформы, были помечены красным крестом, и санитары заботливо укладывали на носилки раненых и вносили в вагоны, передавая их на попечение медицинского персонала, который должен был позаботиться о них в пути до Лиона.

День был жарким, можно даже сказать – изнуряюще жарким.

Но к пяти часам пополудни разразилась гроза и принесла долгожданную прохладу, с облегчением воспринятую всеми. После этого стало легче дышать, и, несмотря на то что все еще приходилось утирать пот со лба и шеи, ко всем постепенно возвращалось хорошее настроение. Вокзал, где повсюду мелькали белые одеяния санитарок, выглядел так мирно и красиво! И люди начинали надеяться, что кровавой бойне подходит конец. Вступление в войну Соединенных Штатов коренным образом изменило ситуацию, принеся союзникам мощную поддержку. Был, правда, момент, когда показалось – все кончено: «Большая Берта» стреляла по Парижу, немцы находились в шестидесяти километрах от столицы. 15 июля они как раз переправлялись через реку, за которую так долго сражались, и тут пришло известие о второй победе на Марне: по приказу Фоша, верховного главнокомандующего всех союзных армий, генералы Гуро, Петен и Манжен отбросили Людендорфа далеко от позиций, занимаемых им ранее. Так вот – раненые, которых сейчас увозили, и были теми, кто пострадал в этом ожесточенном сражении, но теперь у них была надежда – лучшее из лекарств...

Но не для лейтенанта Пьера Бо. Надежда? Ее у него уже не было, и он даже сожалел, что не остался лежать в меловых окопах Шампани. Пустой левый рукав и боль от раны в груди сделали его отныне калек. В свои сорок шесть лет он был вычеркнут из той кипучей жизни, которую всегда так любил. Офицерские нашивки и награды, пришпиленные к его старому френчу, служили слишком слабым утешением в этой суровой реальности: он не мог вернуться на свою прежнюю работу в поездах класса люкс, по которым так тосковал, и его тошнило от одной мысли о том, что теперь он будет навечно заперт в какой-нибудь конторе. Да и то при условии, что ему хоть это предложат после войны...

Однако, когда его вынесли к поезду, он слегка приподнялся, чтобы посмотреть, куда его собираются поместить, и не смог скрыть улыбки: так называемый санитарный поезд был составлен из нескольких вагонов-госпиталей, построенных еще до начала военных действий, остальные вагоны были обычными багажными. Имелся даже старый вагон-ресторан, что нельзя было скрыть от его опытного взгляда: все это были вагоны из столь дорогого его сердцу «Средиземноморского экспресса».

На душе стало чуть теплее, хотя до августовской катастрофы 1914 года ему приходилось работать и на других поездах, например на «Восточном экспрессе» и «Северном экспрессе», но они нравились ему гораздо меньше.

Его поднесли к одному из этих вагонов без окон, где освещение и вентиляция осуществлялись через крышу. Снаружи они напоминали скорее вагоны для перевозки скота. Внутри находилось восемь кроватей, попарно прикрепленных по углам, одна над другой. Его положили на нижнюю, после чего санитары собрались уходить.

– Счастливого пути, лейтенант! Теперь вы поправитесь!

– Если у вас есть рецепт, как вернуть мне руку, оставьте мне его! Нет? Ну, все равно спасибо. Держите! Выпейте за мое здоровье!

Он протянул им несколько монет, вынув их из кармана лежащей рядом куртки. Они поблагодарили, попрощались и пошли за другими носилками. На другом конце вагона пока-

залась медсестра. Она разговаривала со старшим врачом, и у Бо замерло сердце: этот тонкий силуэт, это продолговатое лицо с матовой кожей и высокими скулами, эти темные глаза... Имя само соскользнуло с его губ: Орхидея!.. Возможно ли, чтобы она находилась здесь, в этом поезде, в то время когда...

Не успев закончить эту мысль, он уже звал ее:

– Мадемуазель!.. Мадемуазель!

Она обернулась, увидела бледного человека, тянувшего к ней свою единственную руку, и, извинившись перед доктором, направилась к нему.

– Вам что-нибудь нужно, лейтенант?

Когда она подошла, мираж рассеялся, и Пьер пожалел, что позвал ее. Она совсем не была похожа на его маньчжурскую принцессу. Какая-то не очень удачная копия... плюс жуткий шампаньский акцент! Однако получилось неудобно – выходит, он побеспокоил ее попусту, и ему пришлось попросить принести воды и поправить подушку, чтоб голова была чуть повыше.

Она дала ему другую подушку, пообещав принести попить сразу же после отхода поезда, и отошла, чтобы пропустить санитаров, тащивших другие носилки.

Пьер Бо закрыл глаза, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Это было безумием – хотя бы на миг поверить, что она могла вернуться, она, единственная из трех его женщин, которую он так любил, покидая Париж четыре года тому назад. Он сохранил об этом воспоминание, как носят засушенный цветок в карманчике кошелька. Это была его молодость, а молодость не возвращается. И все же было так сладко воскресить эти воспоминания в столь тяжелые минуты, и Пьер знал, что они еще не раз согреют его сердце в уготовленной ему новой жизни.

Поезд тронулся, и Пьер даже не услышал свистка начальника вокзала. Состав устремился в ночь, а раненый на какое-то время задремал, убаюканный мерным постукиванием колес, чего ему так не хватало. Как же все-таки приятна мысль о том, что возвращаешься домой...

Вернулась медсестра и принесла холодной воды. Приподняв раненого, она помогла ему напиться, и ее движения при этом были мягкими и одновременно уверенными, но от нее шел запах марсельского мыла и антисептика, и это было так далеко от изысканных ароматов путешествовавших прежде на этом поезде красавиц! И уж меньше всего этот запах напоминал легкое ванильное благоухание орхидеи.

Когда она опустила его голову на подушку, Пьер поблагодарил, стараясь не смотреть на нее: у него было много времени впереди, чтобы вызвать в памяти образ своей принцессы, и сравнивать ее ни с кем не хотелось.

Медсестра ушла, и он снова закрыл глаза – ведь это был единственный способ вновь увидеть «нее»...

Часть первая Поезд

Глава первая *Отзвук прошлого...*

Тревога!..

Вот уже несколько часов она не оставляла Орхидею.

Она словно клещами сжимала ее весь день – в ванной, за обеденным столом, на стуле, осиротевшем после отъезда Эдуара. Она не могла проглотить ни кусочка, не зная, куда спрятаться от этого ощущения, и в конце концов Орхидея решила укрыться в своей постели, ставшей вдруг такой огромной для нее одной. Но злой дух черных мыслей поджидал ее и там, устроившись на ножке кровати из красного дерева и следя за ней своими круглыми злыми глазками. И как тут было заснуть?!

В третий раз молодая женщина зажгла лампу у изголовья кровати. Она надеялась хоть как-то успокоить бешено бившееся сердце, а для этого выпила немного подслащенной цветочной воды, но ее можно было выпить хоть целую бочку – это все равно не принесло бы облегчения.

Отчаявшись, она встала с постели, накинула халат и направилась в кабинет мужа. Там, как ей казалось, она могла дышать спокойнее. Еще не выветрившийся запах английского табака и почти неуловимый аромат русской кожи обволакивал ее, словно противомоскитная сетка, которую набрасывали в страшную жару на Дальнем Востоке, чтобы спастись от укусов свирепых насекомых и других ночных опасностей. Атмосфера в большой комнате, служившей одновременно и библиотекой, показалась ей дружелюбной и даже внушающей доверие.

Она открыла окно и сделала два-три глубоких вдоха, как в свое время учила Хуан Лианшенгму, «Священная Мать Желтого Лотоса», чтобы восстановить дыхание после большой нагрузки. Январская ночь была холодна. Тусклый свет уличных газовых фонарей слабо освещал авеню Веласкес, вырывая из темноты черные обледенелые вывески, покрытые грязными кружевами затвердевшего снега. Обнаженные деревья были похожи на скелеты, нарисованные китайской тушью, и создавалось впечатление, что они останутся такими навечно. И как было себе представить, что весна сможет победить, и из этого почти минерального переплетения вдруг появятся нежные зеленые росточки?! Как тут было поверить, что беззаботное счастье прошедших четырех лет вдруг вновь расцветет после получения этого самого письма?

Вновь охваченная страхом, Орхидея закрыла окно, задернула бархатные шторы и, прильнув к ним спиной, принялась с чувством глухого отчаяния осматривать большую комнату, прежде столь близкую и любимую. Покинутая Эдуаром, она вдруг приобрела незнакомый и даже несколько угрожающий вид, словно наука и культура Запада, притаившиеся за сотнями тисненых золотом переплетов, неожиданно оказались лицом к лицу с неким посторонним вторжением и образовали непреодолимую стену, за которой Эдуар медленно и непреклонно удалялся все дальше и дальше. И это все из-за письма...

Орхидея прочитала его уже двадцать раз и выучила наизусть.

«Сын принца Кунга по-прежнему ждет свою невесту, выбранную с рождения, ждет, когда она войдет в его дом под красной свадебной фатой. Терпеливый и великодушный, он никогда не переставал верить в то, что настанет день – и боги приведут тебя к нему, но

он считает, что наступление этого дня не может откладываться более. Ты должна войти. Его благородное сердце готово забыть те годы, когда твой дух находился далеко от земли своих предков, но он не может без твоей помощи противостоять справедливому гневу нашей государыни, глубоко оскорбленной твоим предательством. Чтобы она смогла вновь раскрыть тебе свои материнские объятия, встань же на праведный путь, принеси с собой готовность к раскаянию.

Возле твоего дома есть другой – дом одного из тех путешественников-варваров, за которыми ходит слава бессовестных грабителей Страны восходящего солнца и нашей чудесной Империи. В их руках находится предмет, священный в глазах Цзы-хи: застежка от мантии великого императора Кьен Лонга, некогда похищенная французским воякой во время разграбления дворца Юаньминюань¹. Доставь обратно то, что было взято от нас, и императрица вновь примет тебя, как свою дочь. Настало время забыть твои глупости и подумать о долге. 25-го числа сего месяца корабль под названием «Хугли» покинет марсельский порт и отправится в Сайгон, а оттуда тебя привезут в Пекин. Для тебя будет заказано место на имя мадам Ву Фанг.

Если ты сядешь в Париже на поезд, называющийся «Средиземноморским экспрессом», то ты прибудешь в названный пункт, а тот, кто должен сопровождать тебя, будет ожидать твоего прибытия на вокзале.

Ты обязана подчиниться, принцесса Ду Ван, если хочешь встретить еще много восходов солнца и если ты любишь своего обожателя-варвара так, чтобы желать ему благополучно дожить до почтенной старости...»

«Священная Мать Желтого Лотоса» подчеркнула эту угрозу, к которой следовало отнестись с должным вниманием, так как старая воительница ничего не делала просто так и знала цену словам, даже если некоторые из них она произносила не так часто. Это письмо, безусловно, было самым длинным из того, что ей когда-либо приходилось писать собственной рукой, и именно это настораживало Орхидею. Западные термины под ее пером выглядели неуместно и... немного смущали. Станным было и то, что сводная сестра принца Туана преследовала своего западного врага на его собственной территории.

Принцесса Ду Ван!

Орхидея уже давно не имела никакого отношения к этому имени. Точнее, с того самого дня, имевшего место пять лет тому назад, когда Цзы Хи решила, что титулованная особа в сопровождении девушки из простонародья должна оставить Запретный Город и свои атласные наряды, чтобы проникнуть в самое сердце квартала дипломатических миссий, а там – смешаться с ужасными подонками китайского происхождения, поклонниками Христа, торопившимися заполучить оружие у белых, чтобы обеспечить себе защиту от праведного гнева «Кулака Правосудия и Согласия». Речь шла о деле весьма серьезном: человек, которого императрица почитала самым дорогим своему сердцу, ее двоюродный брат, принц Жонг Лу (ходили слухи, что он был ее любовником), этот всеми любимый человек, забылся до такой степени, что передал одну страстно им желанной бледнолицей девушке талисман, когда-то пожалованный ему государыней, дабы тот уберег его от несчастных случаев и злых духов. И теперь следовало во что бы то ни стало отыскать это сокровище и наказать смертью того, кто осмелился завладеть им!

Воспоминания об этой миссии, некогда возложенной на нее, Орхидея хранила глубоко в душе, надеясь когда-нибудь вообще забыть об этом. Ей нужно было раствориться в другом мире и, по возможности, не нарушать спокойного чередования дней. Но ей это не удалось. И

¹ Летний дворец был сожжен 18 октября 1880 г. по приказу лорда Элгина, сделано это было после того, как его разграбили французы и англичане (прим. автора).

теперь воспоминание снова всплыло, словно заноза, которую не удалили вовремя и теперь она нагноилась. Когда-то Орхидея любила императрицу... нет, без сомнения, она и теперь любила ее!

Время оставило в памяти только ее добрые дела.

Сцена, о которой вспомнила Орхидея, произошла в дворцовом саду, в тени храма Дождя и Цветов, крыша которого расходилась лучами и поддерживалась золотыми колоннами, обвитыми драконами. Цзы Хи сидела на скамейке под кустом жасмина, несколько белых лепестков покоились на абрикосовом атласе ее платья. Она была недвижима и хранила молчание, но по ее щекам катились слезы. Ее молодая спутница впервые увидела императрицу плачущей, и это молчаливое отчаяние ее потрясло. Преклонив колени на фиолетовый песок аллеи, Орхидея смиренно спросила, может ли она хоть чем-нибудь облегчить эту боль? Цзы Хи вздохнула:

– Не будет в моем сердце покоя, пока Нефритовый Лотос не вернется в мои руки. Не можешь ли ты помочь мне его отыскать?

– У меня нет никакой власти, Почтеннейшая...

– Ты ошибаешься. У тебя она есть, и дают ее тебе молодость, ум, ловкость и изобретательность. Хозяйка «Красных фонариков», которую я позвала сегодня утром, уже составила план действий. Она предлагает использовать одну из своих девушек по имени Пион. Ты ее знаешь?

– Да. Она, возможно, лучшая из нас. Она прекрасно владеет телом, но при этом коварна, жестока и не знает, что такое угрызения совести. Я бы даже сказала, что не люблю ее.

Императрица вынула из рукава шелковый носовой платок и грациозным движением промокнула оставшиеся слезинки на лице, мастерски украшенном макияжем. Затем она улыбнулась:

– Ну, конечно. Однако мне хотелось бы, чтобы ты сопровождала ее в этой миссии. Именно потому, что она бессовестна и действительно не внушает мне доверия. Есть еще одно – Лотос не должен вернуться ко мне из рук простолюдинки. А твои руки мне очень даже подходят. И раз уж ты решила помочь мне и пройти курс тренировки в «Красных фонариках», мне кажется, наступило время показать, чего ты стоишь. К тому же в твоих жилах течет императорская кровь.

В самом деле: внучка сестры императора Хьен Фонга и сирота от рождения, Ду-Ван была взята на воспитание самой императрицей, которая сильно привязалась к ней, окружив заботой и лаской. Она дала ей образование, достойное ее положения в стенах Запретного Города, который в ее детских глазах представлял собой божественное совершенство и обитель наивысшего покоя. А разве этот величественный ансамбль дворцов, храмов, двориков и садов, охраняемых высокими красно-фиолетовыми стенами, не был центром мира – хотя бы потому, что Сын Неба дышал его воздухом?! Не могло существовать на земле места, более благородного и более чистого, где совершенство так поражало бы своей законченностью. Это был своего рода микрокосмос, где в течение многих веков великие императоры собирали самые благородные произведения искусства, тщательно сохраняя их за высокими крепостными стенами, на которых день и ночь несли службу вооруженные часовые.

Многие годы она и не представляла себе, что существует какой-то другой мир! Девочку научили читать по «Книге Перемен», потом она овладела кистью и искусно воспроизводила большие тексты и свои мысли изящными иероглифами; ее обучили поэзии и изящной живописи, к которой она проявила интерес после знакомства с некоторыми произведениями Цзы Хи, служившей ей примером во всем. Разве она не была высокочтимой дамой, если даже сама императрица пожелала присутствовать на скамье Экзаменационной Императорской Комиссии, в числе самых высокообразованных мандаринов, чтобы послушать ту, кото-

рая обладала глубоким знанием «Бесед и суждений» Конфуция, читала наизусть самые красивые поэмы Ду Фу и Бо Цзюй-и и лучше многих других знала историю Империи!

Ду Ван также обучалась музыке и танцам, знала тысячу и один секрет того, как женщине сделать себя привлекательной, хотя и не придавала этому последнему такого значения, как другие придворные дамы. Если она и получала удовольствие от ежедневного составления для себя некоего гармоничного ансамбля, то лишь затем, чтобы порадовать себя и императрицу, а вовсе не для привлечения взглядов мужчин. Ни одному из них (а их число вокруг было не так уж и велико, если не считать евнухов) не удалось заставить ее сердце биться чаще, чем обычно. Тайные любовные радости, заставлявшие кудахтать других женщин под прикрытием вееров, совершенно ее не интересовали.

С детства она считала себя нареченной невестой одного из сыновей принца Кунга, самого главного советника императрицы, и эта мысль совершенно не страшила ее. Она была уверена, что выполнит свой долг, когда настанет время, остальное не стоило ее волнений. Но в самой глубине души Ду Ван мечтала о жизни вообще без мужских оков. С самого раннего детства она хотела быть мальчиком, чтобы иметь возможность заниматься физическими упражнениями и освоить искусство владения оружием, а потом жить в совершенно другом – огромном и таинственном мире.

Цзы Хи угадывала в этом очаровательном существе душу амазонки. Развлекаясь, она давала ей уроки гимнастики, верховой езды, фехтования и стрельбы из лука. В свои семнадцать лет юная принцесса уже могла помериться силами с воином своего возраста.

И вот именно в это время пахло дыханием ненависти «боксеров»² по отношению к белым варварам, чьи дипломаты, священники и торговцы обосновались в Китае, и чье количество все увеличивалось под предлогом того, что они якобы прибыли сюда для продвижения своих богов и преимуществ западной жизни.

Люди в красных тюрбанах, объявившие, что они неуязвимы даже для ружейных пуль, стали искать сторонников. Их глава, принц Туан, двоюродный брат императора, сумел привлечь на свою сторону Цзы Хи, увидевшую в восстании ответ на свои мольбы о мщении, которые она не прекращала адресовать Небу после разграбления Летнего дворца, ее личного земного рая.

Охваченная тем же энтузиазмом, сводная сестра Туана нарекла себя «Священной Матерью Желтого Лотоса» и завербовала немало молодых женщин и девушек. Естественно, и Ду Ван пожелала встать под знамена «Красных фонариков».

Что касается техники боя – тут ей нечему было особенно учиться. Но здесь ее обучили искусству грима, некоторым приемам магии, умению открывать закрытые двери без помощи ключа, а также преимуществам, которые можно извлекать из разного рода хитростей и умения скрываться. Это не стало ее самой сильной стороной, так как по натуре она была девушкой открытой и искренней. Но чтобы угодить своей обожаемой хозяйке, она согласна была применить любое оружие, в том числе и самое подлое – яд...

Ведь Цзы Хи была единственным человеческим существом, которое продемонстрировало привязанность к ней, Ду Ван.

Узнав, что от нее может зависеть судьба ее идола, Ду Ван испытала величайшую гордость, которая, впрочем, была немного омрачена перспективой работать в связке с Пион,

² Китайско-японская война 1894–1895 гг. завершилась тем, что Япония аннексировала в 1905 г. территорию Маньчжурии. В 1900 г. в результате антиколониальных выступлений, так называемого восстания «боксеров», Китай был признан западными странами. Восставшие, испытывавшие неприязнь к иностранцам, а также к китайцам-христианам, стали называться «боксерами» потому, что большинство из них регулярно занималось физическими упражнениями, напоминавшими кулачные бои. В октябре 1911 г. началась революция против императорского правления, а в декабре военный режим провозгласил Республику Китай, которую в 1916 г. потрясла гражданская война (прим. пер.).

чье высокомерие она ненавидела. Однако осознание чести возратить Нефритовый Лотос, преступно отданный в залог любви иностранке, подстегивало ее отвагу.

Прорицатели заявили, что обстоятельства складываются весьма благоприятно. Накануне того дня, 20 июня, иностранные дипломаты, квартал которых занимал обширное пространство между стенами татарского города и Запретного Города, получили предписания покинуть Пекин в двадцать четыре часа, если хотят избежать больших неприятностей. Однако указания остались в пренебрежении. Немецкий посланник, направлявшийся к своим китайским коллегам, был убит «боксерами».

Тут-то Цзы Хи и дала своей фаворитке и Пион возможность отличиться.

– Вам нет никакой необходимости втираться в дом к белым дьяволам, – сказала «Священная Мать Желтого Лотоса», – ведь имеется множество китайских предателей, обращенных в христианство, которые постараются укрыться под их вооруженной защитой. Вот к ним-то вы и примкнете!

Спустя час, облаченная в синюю хлопчатобумажную ткань без орнамента, с тюком на плече, в котором было немного белья и повседневных вещей, юная принцесса в сопровождении своей спутницы смешалась с толпой беженцев-христиан, просивших укрытия в посольстве Англии, главные ворота которого выходили на маньчжурский рынок. Отныне она была не Ду Ван, а Орхидея, для маньчжуров – цветок-символ, и никто больше не мог вернуть ей настоящего имени.

До прихода того самого письма.

Последующие дни стали для девушки настоящим кошмаром. Она попала в совершенно иной мир – мир пыли, грязи, нищеты и страха.

Беженцы набивались в дома, покинутые торговцами, для которых работа в районе дипломатических миссий прежде представляла источник больших прибылей. Многие из этих домов были богаты и весьма красивы, но под напором обезумевших беженцев они быстро растеряли свою изысканность и элегантность. Орхидее и ее спутнице удалось пристроиться в маленьком полуразрушенном домике на берегу Нефритового канала, недалеко от моста, соединявшего то, что некогда было огромным владением принца Су, с посольством Англии.

Обе девушки выдавали себя за дочерей торговца из китайского города, убитого вместе со своей женой по подозрению в дружеских отношениях с представителями Запада. Они рассказывали всем, что «боксеры» сожгли их жилище и надругались над их близкими...

Потом Орхидея узнала, что у Цзы Хи ничего не было случайным: похожее семейство действительно существовало, и в нем были две дочери, которые исчезли.

Самым тяжелым для юной принцессы стала необходимость жить бок о бок со своей лжесестрой. Пион не была груба, бескультурна и необразованна: в «Красных фонариках» воспитывали девушек, многие из которых происходили из простого народа, да так воспитывали, что в будущем они могли сыграть практически любую социальную роль. Пион была дочерью гвардейского офицера. С самой первой встречи Ду Ван почувствовала, что Пион ненавидит ее, а ей к тому же приходилось выказывать уважение к молодой высокопоставленной особе, пользующейся благосклонностью самой Цзы Хи, в то время как самой Пион оставалось довольствоваться тем, что хозяйка просто выбрала ее...

Игра была неравной: амбициозная девушка, жестокая и отважная, вполне отдавала себе в этом отчет. Со своей стороны, принцесса никак не могла подавить в себе отвращение к ней. Жить с Пион как с сестрой представлялось невыносимым, хотя они и выполняли одно и то же задание.

То, что они не были похожи, не имело значения. Полигамные браки здесь позволяли мужчинам иметь детей от разных жен. Кроме того, все знают, что для западных людей ази-

аты выглядят на одно лицо, им и в голову не придет удивляться тому, что кто-то имеет более благородные черты лица или чуть более изящные ножки. Кстати о ножках: европейцы лишь недавно узнали разницу между маньчжурскими и китайскими женщинами. Первые никогда не подвергались той пытке, через которую проходили вторые: девочкам-китайкам туго пеленали бинтами ноги, чтобы ступня не росла. В XVII веке завоеватели Китая посчитали эту изысканность, делавшую ходьбу почти невозможной, обыкновенной глупостью.

Несмотря на то, что их разъединяло, посланницы Цзы Хи безупречно играли роль сироток с печальной судьбой. Соотечественники-христиане из всех сил старались утешить их мнимую боль, помогали им во всем, даже не подозревая, до какой степени религия, которую пытались им внушить, ужасала лжесестер. Что же касается иностранцев, с которыми девушки вскоре вступили в контакт, то они стали для Орхидеи, никогда не видевшей их вблизи, поводом для удивления. Особенно женщины.

Одевались они чаще всего в белое – а ведь это, как известно каждому, цвет траура! У них были странные лица – либо очень белые, либо розовые или даже красные с фиолетовыми прожилками, странные волосы, часто завитые и имевшие различные оттенки – от светло-русых до темно-каштановых и рыжих... Однако в старости все они, как и азиатки, становились седыми.

Несмотря ни на что, некоторые европейские женщины умудрялись быть довольно красивыми. Когда Орхидея увидела девушку с императорским Лотосом, она поняла, почему сердце мужчины, даже принца Поднебесной Империи, могло загореться страстью к златокудрой богине, с глазами, похожими на черные сливы, с губами цвета спелого граната и с кожей оттенка цветка вишни. Девушка была американкой, очень дружелюбной и очень веселой. Несмотря на языковой барьер (Орхидея знала лишь несколько слов по-английски), мисс Александра сумела объяснить юной маньчжурке, что она находит ее удивительно красивой и хотела бы почаще видеть ее в госпитале, где две «сестры» работали, получая за это еду. Их приняли охотно – столкновения между «боксерами» и двумя тысячами осажденных, которых защищала горстка из четырехсот солдат, не прекращались.

В первые дни осады завладеть Лотосом не представлялось возможным, ибо беженцы жили довольно далеко от уцелевших жилых зданий дипломатических миссий, одно из которых принадлежало Соединенным Штатам. Однако со временем число разрушенных жилищ росло. И пришлось перевести сначала женщин, а затем весь международный дипломатический персонал в здание английского посольства, самое большое и самое удобное для обороны. Люди разных национальностей расселились по своему усмотрению вокруг него в домиках, принадлежавших ранее принцу. Однако выполнить задание Цзы Хи все равно пока представлялось проблематичным: женщины жили по два-три человека в больших комнатах, и произвести обыск в вещах юной американки не было возможности.

– Нужно действовать по-другому, – заявила Пион однажды в конце изнурительного дня. – Шанс представится нам, если мы выманит девушку за пределы укреплений и сдадим ее нашим. Надо чтобы она заговорила!

– Мне это кажется трудным, – возразила Орхидея, – ведь все выходы из отрезанного лагеря хорошо охраняются.

– Возможно, но у меня есть одна идея...

Больше она ничего не сказала, а ее собеседница даже не попыталась узнать больше.

Планы, задуманные Пион, как и сама миссия, возложенная на них, потеряли для Орхидеи все свое значение и смысл через несколько дней.

Война, осада, «боксеры», смерти...

Орхидее трудно было увязать эти страшные картины с интригами и слезами императрицы. В ее сердце навсегда запечатлелась сцена, лишавшая ее разума, такого ясного, лишавшая ее рассудительности и мудрости.

Это произошло в вестибюле госпиталя, и Орхидея всякий раз при воспоминании об этом испытывала восхищение и смущение одновременно.

В тот день какой-то солдат принес в госпиталь китайскую женщину, насмерть перепуганную «боксерами», которая, не в силах снести даже мысли о том, что с ней могло произойти, попади она «боксерам» в руки, совершила попытку самоубийства. Солдат, проходя мимо приоткрытой двери лачуги, увидел ее, висящую на балке, и бросился внутрь, чтобы снять. Убедившись, что она еще жива, но будучи не в силах привести ее в чувство, он решил обратиться к доктору. Увы, доктор Матиньон был срочно вызван на баррикаду Фу, а посему пострадавшую до прибытия более опытной медсестры доверили Орхидее.

Вспомнив уроки, полученные во дворце, она не без труда поставила женщину на колени, затем принялась забивать ей ватными тампонами рот и ноздри. Она начала уже закреплять все это бинтом, как вдруг чья-то сильная рука грубо оттолкнула ее, да так сильно, что она потеряла равновесие и рухнула на пол. Одновременно с этим раздался возмущенный голос:

– Вы с ума сошли! Хотите совсем добить эту несчастную?

Слова принадлежали европейцу, и он прекрасно изъяснялся на китайском языке, но это отнюдь не смягчило гнев Орхидеи, возмущенной тем, что кто-то вмешался в тот момент, когда она совершенно искренне пыталась помочь пострадавшей.

– А разве не так надо делать? Часть ее души уже отлетела, и нужно любой ценой помешать уйти тому, что еще осталось... А значит, надо закрыть все отверстия и...

– Никогда не слышал большей глупости!

Тут подоспела медсестра – баронесса де Гирс, жена русского посланника. Незнакомец доверил ей больную, которую, к счастью, терапия Орхидеи еще не успела отправить в мир иной. Затем он повернулся к девушке, пытавшейся подняться с гримасой боли на лице. Она была потрясена. Он улыбнулся, глядя на растерянное юное личико:

– Извините меня! Надеюсь, я вас не сильно ушиб?

Он протянул руки, чтобы помочь ей встать, но Орхидея ничего не видела и не слышала. С открытым ртом, пораженная, она смотрела на этого иностранца, как будто он был первым мужчиной, которого она увидела в жизни. Надо сказать, выглядел он удивительно: смуглый, волосы и небольшие усы словно сделаны из золотой стружки, глаза небесной голубизны. Высокий и хорошо сложенный, о чем свидетельствовал его непристойный европейский костюм из белого сукна, демонстрировавший длину его ног вместо того, чтобы прятать их под платьем, он казался самым веселым человеком в мире, и его улыбка была неотразима.

Видя, что юная маньчжурка не желает принимать его помощь, он нахмурил брови, нагнулся, взял ее под руки и поднял:

– Боюсь, что я причинил вам боль...

– Вовсе нет, уверяю вас... Я просто поражена... Откуда вы так хорошо знаете наш язык?

– Я выучил его, потому что он мне нравится. Меня зовут Эдуар Бланшар, я секретарь дипломатической миссии Франции. Точнее... я был им, потому что никакой миссии больше не существует... А вы кто?

– Я... я здесь работаю. Меня зовут Орхидея... моя сестра Пион и я... в общем, мы беженки.

– Знаю. Я слышал о вас.

Вот так все и началось.

То, что было невозможно, немислимо, неслыханно для юной маньчжурки высокого происхождения и «белого дьявола».

Но война, которая соединила их в осажденном квартале, сделала это почти естественным. Стены, охранники, оружие, обычаи и традиции, стоявшие между ними, – все это вдруг исчезло, как по мановению волшебной палочки, чтобы оставить молодого мужчину и молодую женщину лицом к лицу, создав некое воплощение того лучшего, что было в обеих, таких непохожих, расах.

Орхидея была ослеплена, Эдуар испытал не меньшее потрясение.

Полинявшая синяя ткань, в которую была облачена девушка, словно лист бумаги, в который заворачивают букет цветов, не могла скрыть совершенства ее красоты. Эдуару казалось, что если уж кто и заслуживает имени Женщины, так это она – очаровательное создание, родившееся в лавке торговца шелками. Довольно высокая для азиатки, она с достоинством аристократки держала голову, увенчанную черными волосами, такими блестящими, словно они были покрыты драгоценным лаком. Ее кожа янтарного цвета, розовые щеки, огромные черные сливы отливающих золотом глаз... Слегка приоткрытые пухлые алые губы открывали маленькие перламутровые зубки, что делало ее еще более привлекательной...

Он прибыл в Китай два года назад. Красавца дипломата за это время не раз представляли самым известным куртизанкам Пекина, и все они были хороши. Однако ни одна из этих украшенных макияжем и драгоценностями женщин не излучала столь захватывающей чувственности, как эта шестнадцати- или семнадцатилетняя девственница, которая, вполне вероятно, и не осознавала этого. И пока Орхидея уносила к себе в полуразрушенный дом светлый образ «принца, рожденного самим Солнцем», Эдуар пытался обуздать мысли (и желания, в этом он тоже признавался себе) об этой странной медсестре. Он напрочь забыл об окружающих проблемах и драмах, постоянно усугублявшихся тем фактом, что они находились в осадном положении...

Когда два существа так стремятся соединиться, обычно им это удается.

Между английским домом, где располагался персонал французского посольства, и жилищем двух маньчжурок расстояние было невелико: их разделяли небольшой мост и деревья, среди которых выделялась ива, чьи ветви, чудом уцелевшие под обстрелами, грациозно склонялись над Нефритовым каналом, полностью лишенным какого бы то ни было романтического из-за плывущих по нему отбросов. Но когда приходит любовь, имеют ли значение какие-то гнилые фрукты или капустные кочерыжки?!

С наступлением ночи – черной, душной, полной дыма пожаров и запахов смерти, которые вот уже несколько недель вытесняли тяжелый аромат цветущего лотоса, – Орхидея приходила под эту иву и ждала...

Когда Эдуар не дежурил на баррикадах, он приходил, и они, взявшись за руки, словно дети, забывали о том, что им, возможно, осталось жить не так уж много времени.

Орхидея прекрасно понимала, каким может быть логическое завершение этого невероятного романа, который, по сути, являлся предательством по отношению к императрице.

Но Эдуар поклялся, что не отдаст ее живой в руки «боксеров»...

Положение дипломатических миссий с каждым днем становилось все более и более опасным. Повсюду высились развалины, росло число убитых и раненых, отсутствие медикаментов обрекало выживших на длительные мучения. Продукты тоже были на исходе.

Но для этих двоих, только что открывших для себя друг друга, в счет шли лишь мгновения нежности, в которые никто не мог им помешать...

Безусловно, их тайна была секретом Полишинеля для семисот обитателей английского посольства, но никому и в голову не могло прийти замарать ее игривыми или даже просто

неподходящими мыслями. Красота и достоинство молодой маньчжурки вызывали уважение. Что же касается Эдуара Бланшара – перед ним преклонялись и знали, что он не способен злоупотребить чувствами юной девушки, почти ребенка, полностью потерявшей в своих мечтах.

Пион, конечно, могла бы испортить праздник, но, к удивлению Орхидеи, она молчала и делала все возможное, чтобы увеличить дистанцию между собой и своей так называемой сестрой. Днем они вместе исполняли свои обязанности, а на исходе дня Пион исчезала и возвращалась лишь на рассвете, часто совершенно изнуренная, в мятой одежде, которую она быстро меняла, чтобы постирать в течение дня.

Подобное поведение, естественно, интриговало Орхидею, но на все ее вопросы Пион отвечала одной из своих непроницаемых улыбок, а однажды заявила:

– Я же говорила тебе, что у меня есть план, и хватит об этом!

– А разве мы не должны действовать сообща?

– Когда все будет готово, я тебя предупрежу. А ты пока наслаждайся своими забавами с варваром...

– Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне? Ты что, забыла, кто я?

– Не бойся, я ничего не забываю, – ответила Пион с ухмылкой. – Ты великая артистка, раз смогла втереться в доверие к этим людям. Для меня это важно. Ведь ты меня в какой-то степени прикрываешь...

На самом деле помощница Хуан Лиан-шенгму собиралась сама, без помощи какой-то там Орхидеи, вернуть нефритовый медальон. Принцессу Ду Ван она ненавидела и хотела бросить на растерзание «боксерам», когда те прорвут иностранные укрепления. Если же той удастся выбраться живой, можно будет донести Цзы Хи, что она была любовницей белого...

Пион упустила одно: Орхидея не была дурой.

Кроме того, курс в «Красных фонариках», который они прошли вместе, научил ее следить за другими людьми, не будучи замеченной.

Однажды, обеспокоенная скрываемым от нее лжесестрой планом, она выбрала время, когда Эдуар дежурил на баррикадах, и решила с наступлением сумерек пойти по следам Пион.

Полагая, что Орхидея спит, маньчжурка тихо покинула дом и углубилась в лабиринт старых дворов Су-ванг-фу, древнего дворца принца Су.

А Орхидея, легкая и неслышимая на своих войлочных подошвах, пошла за ней и вскоре поняла, что та движется к большой входной баррикаде Фу. Вдруг Пион исчезла из вида. Сердце девушки тревожно забилось, когда она заметила легкий отблеск пламени свечи: Пион собиралась спуститься в подвал разрушенного дома. Ориентируясь по свету и слышавшимся глухим ударам, Орхидея пошла вперед и вскоре поняла, чем занимается каждую ночь ее напарница: с помощью кирки она разрушала толстую стену, за которой находилась канализация. Она пыталась открыть проход, через который «боксеры» могли бы захватить дипломатические миссии. Но до конца работы было еще далеко: по другую сторону зловонного ручья проходила другая стена, и только через нее можно было выйти за укрепления европейцев.

Орхидея пошла обратно, стараясь делать отметки.

Несколькими неделями ранее она бы полностью одобрила план Пион, но теперь возможное вторжение «боксеров» внушало ей непреодолимый ужас, ибо это повлекло бы за собой смерть Эдуара.

И какую смерть!

Его непременно подвергли бы самой распространенной в Китае казни: разрубанию живьем на четыреста тридцать две части. Она уже наблюдала подобное, но без какого-то

особого волнения, хотя зрелище было самое отталкивающее. Сейчас же даже мысль о том, что ее любимый может оказаться под ножами мясников, вызывала у нее тошноту...

К счастью, работа Пион продвинулась не так далеко, чтобы представлять скорую опасность. Орхидея пообещала себе быть настороже, а при встрече со своим возлюбленным под ивой, еще под впечатлением от увиденного, она позволила себя поцеловать и даже побудила мужчину к действиям, на которые тот сам не решился бы.

– Если нам скоро суждено умереть, – сказала она ему, – я хочу, чтобы мы покинули этот мир вместе, как если бы мы были супругами.

– Я бы очень хотел, чтобы мы поженились, но для этого нужно, чтобы ты приняла христианство.

– Что нам нужно, чтобы быть вместе: религия или священник? Если ты меня сделаешь своей, ничто уже не сможет разделить нас, когда мы отправимся в Страну Желтых Истоков...

Она улыбалась, снимая свою хлопчатобумажную куртку и развязывая тесемку на рубашке. Совершенно зачарованному молодому человеку оставалось лишь принять ее в свои объятия и забыть о всякой осторожности. В этот миг взрыв бомбы осветил небо настолько близко, что гибкие вервы ивы закачались. Но они даже не заметили этого, а немного спустя грохот пушки заглушил слабый стон Орхидеи, ставшей в этот момент женщиной.

Осознание того, что отныне она должна все в жизни делить со своим возлюбленным, подстегнуло ее отвагу. Орхидея следила за Пион с упорством тибетского ламы, а в разговорах с ней попыталась вытянуть из нее истину. Она поняла, что та планирует похищение американки и передачу ее «боксерам», чтобы выведать информацию о тайнике, где находится Лотос. Но если иностранка умрет под пытками, то Орхидея и ей подобные тут же станут символами ужаса в глазах других белых...

А Эдуар, возможно, бросит ее.

В начале второй недели августа, в полночь, Орхидея увидела, как Пион проскользнула в дом, где спали несколько белых женщин, и скоро вышла оттуда в сопровождении мисс Александры. Поняв, что время всевозможных уловок закончилось и пришла настоящая опасность, она побежала на поиски Эдуара, который в это время должен был находиться на редуте, построенном на развалинах французской миссии. Его там не оказалось, но ей удалось найти двух мужчин, которые, она это знала, были его лучшими друзьями: одного из молодых переводчиков французского посланника, которого звали Пьер Бо, и художника, Антуана Лорана, который приехал в посольство Франции непосредственно перед началом военных действий.

В отчаянии она попыталась объяснить им, что происходит, но тут появился Эдуар с ружьем и арбузом, который он хотел разделить с друзьями.

С этого момента все пошло очень быстро: следуя за ней, трое мужчин легко нашли проход, который открыла Пион, и спустились вниз, приказав Орхидее остаться и ни в коем случае не следовать за ними. А лучше всего бы ей вернуться домой, так как для охраны прохода сюда скоро придут солдаты! Но она отказалась. Спрятавшись за обломком стены, она ждала результата экспедиции, стараясь успокоить биение своего сердца, отдававшееся у нее в голове. Какое-то время этот звук был единственным из того, что она слышала, и тишина казалась страшнее, чем отзвуки битвы.

Скоро прибыли моряки и заняли позиции возле входа в подвал.

Одна в своем уголке, Орхидея старалась отогнать от себя самые страшные предположения: трое мужчин не смогли освободить американку... они все убиты. Или, что еще хуже, они живьем попали в руки «боксеров»! Только не это! Юная маньчжурка знала точно, что

не пережила бы своего возлюбленного надолго: если у нее не получится его освободить, то ремень, привязанный к ветке дерева, поможет ей присоединиться к нему...

Когда они – после бесконечного ожидания – показались, ее радость оказалась настолько сильной, что она, не заботясь о приличиях, бросилась на шею Эдуару. Да и кто бы в такой ситуации стал думать о подобных пустяках?!

Победа была полной.

Они не только остались целы и невредимы, но с ними вернулась и мисс Александра, ни живая, ни мертвая от страха, но зато в полном здравии.

– К сожалению, – сказал Антуан Лоран, – той презренной женщине удалось сбежать.

– Но это даже и хорошо, – вздохнул Эдуар. – Мне бы не хотелось прикончить сестру Орхидеи.

– Она мне не сестра, – пробормотала девушка, поняв смысл этих слов.

Посчитав, что она и так уже сказала слишком много, Орхидея отважно поведала, кто она такая. Она понимала, что это могло закончиться для нее тюрьмой или даже еще хуже. Но трое мужчин, выслушав ее и обменявшись взглядами, решили доверить девушку мадам Пишон. Ведь рискуя собственной жизнью (а злоба ее братьев по крови и особенно императрицы непременно обрушилась бы на нее), молодая принцесса спасла дочь свободной Америки. Она это сделала из любви, поэтому получила право на доброе к себе отношение и заботу.

Даже речи не могло идти о том, чтобы она вернулась в свой полуразрушенный дом!

Пион исчезла, и ее мести следовало опасаться.

Орхидея была уверена, что если и умрет, то только вместе с Эдуаром, а пока же ее дни были наполнены счастьем, которое, без сомнения, могли испытывать лишь они двое. Все остальные готовились к катастрофе, а эти двое жили, словно на маленьком небесно-голубом облаке!

А посему Орхидею хотелось, чтобы осада продолжалась еще много долгих месяцев...

Тем не менее осада медленно, но верно приближалась к концу.

14 августа 1900 года колонна, шедшая на помощь, которую так ждали, но в которую мало кто верил, ворвалась в расположение банд «боксеров», к которым Цзы Хи имела неосторожность присоединить китайскую армию, а потом достигла Пекина и вошла в город. Сикхские всадники первыми преодолели старую татарскую стену, а за ними шли американцы, русские и японцы. Только французы под командованием генерала Фрея задержались, ибо они в этот момент ликвидировали очаг сопротивления на равнине. Они пришли только на следующий день.

Безумная радость, подобная той, что, должно быть, чувствуют возвратившиеся из ада, охватила спасшихся из осады, длившейся пятьдесят пять дней.

Но Орхидея не разделяла всеобщего ликования.

Что станет с ней теперь?

Китай побежден. Его мощь стала достоянием прошлого. Более того – стране предстояло выплатить большие военные контрибуции. «Боксеры» исчезли, словно песчаный ветер, который ослепляет и мешает дышать, и армия пропала вместе с ними. Не было больше и китайского правительства, поговаривали, что и Цзы Хи бежала на север, переодевшись в синюю хлопчатобумажную крестьянскую робу. Запретный Город, веками закрытый для посторонних, теперь широко распахнул двери для варварских начальников. Мир, к которому принадлежала принцесса Ду Ван, исчез.

Но было совсем неочевидно, что в новом мире найдется место для Орхидеи.

Не желая быть обузой и помехой для того, кого она любила, принцесса решила вернуться к тому, что осталось от ее мира.

Никому она теперь не была нужна: Эдуара захватила куча дел, что же касается мисс Александры, отец которой погиб, то она покинула Пекин вместе со своей матерью, не найдя ни слова, чтобы отблагодарить ту, кто ее спас.

Впрочем, это было неважно...

Однажды вечером, когда Орхидея меланхолично собирала свои жалкие пожитки, в комнату вошел Эдуар, осторожно неся в руках атласное платье персикового цвета.

Если он и заметил приготовления девушки, то не подал вида и положил свою ношу на кушетку, а затем, обернувшись, слегка наклонился и с улыбкой сказал:

– Я пришел спросить тебя, не согласна ли ты выйти за меня замуж, Орхидея?

– За тебя замуж?.. – пробормотала она взволнованно. – Ты хочешь сказать...

– Да, я хочу сказать: стать моей женой. Господин Пишон отправляет меня во Францию, и я хотел бы, чтобы ты поехала со мной. Если ты согласна, мы можем пожениться завтра.

– Но возможно ли это? Ты обожаешь своего Христа, а я знаю о нем лишь то, что ты мне рассказывал.

– Этого достаточно, если ты согласна. Монсеньор Фавье мог бы окрестить тебя сегодня вечером.

Вместо ответа Орхидея со слезами на глазах бросилась в объятия своего друга.

Двери жизни, только что жестоко закрывшиеся перед ней, вдруг вновь открылись, чтобы впустить яркий и радостный свет. И чего лучшего могла ожидать эта юная маньчжурка, оставшаяся без корней, чем уехать вместе с тем, кого она любила, чтобы быть с ним всю оставшуюся жизнь?

Бракосочетание состоялось на следующий день в присутствии Антуана Лорана, Пьера Бо, посла Пишона, его жены и нескольких других приглашенных, и оно было изумительно для вновь обращенной. Большой собор Пе-Танг, без сомнения, был грандиозен, хотя и сильно пострадал во время обстрелов. Его стены, витражи, своды светились дырами, словно сито, и сквозь них проникали лучи солнца. Орган тоже был поврежден и порой издавал весьма странные звуки, но невеста была обворожительна, а жених излучал счастье...

А потом было длинное путешествие в Европу: они плыли морем, которое было столь же нескончаемым, как и блаженство нашей пары. Безумно влюбленный в свою молодую жену, Эдуар Бланшар не знал, что еще сделать, чтобы угодить ей, чтобы оградить ее от неприятных впечатлений, ведь он прекрасно понимал, что ей еще придется столкнуться с совершенно другой жизнью, и это может оказаться серьезным испытанием для нее.

На корабле Эдуар оберегал ее от близких контактов с другими пассажирами, нескромные вопросы которых могли бы ее шокировать. Они покидали свою каюту лишь для того, чтобы погулять по палубе. Еду им приносили, а все остальное время, за исключением того, что они проводили в постели, любя друг друга, Эдуар уделял европейскому воспитанию молодой жены. Они оба упивались той сверкающей аурой, которая обычно окружает большую любовь. А их спутники за чайными столиками или коктейлем в баре шепотом рассказывали друг другу невероятную романтическую историю любви дочери легендарной Цзы Хи, пришедшей сражаться бок о бок со своим возлюбленным и перенесшей все ужасы осады. Говорили даже, что она обладает волшебными чарами (это была придумка одной сентиментальной немецкой баронессы, начитавшейся «Тристана и Изольды») и дала ему приворотное зелье в одном из подвалов тайного храма (почему-то богини Кали)³. Разумеется, баронесса просто перепутала азиатские святыни...

³ Кали – богиня-мать, аспект Шивы, богиня, разрушающая невежество и освобождающая тех, кто стремится познать Бога. В индуизме «она есть эфир, воздух, огонь, вода и земля. Через нее удовлетворяются все физические желания Шивы.

В общем, слухи ходили разные, но в целом никто не досаждал молодоженам, и они спокойно наслаждались своим медовым месяцем. Впрочем, это не исключало того, что женщины горели желанием познакомиться с загадочной принцессой, чтобы узнать секреты ее красоты, а мужчины охотно предавались мечтам о ней, пытаясь проникнуть взглядом за прозрачные вуали, в которые она была завернута, когда муж выносил ее на руках на прогулку.

На самом деле, если бы Орхидея не чувствовала постоянной поддержки и страстной любви своего супруга, она обнаружила бы, что это очень тяжелое испытание – внезапно попасть из одной цивилизации в другую.

Все было совершенно новым и таким странным!

Прежде всего – европейская одежда.

Конечно, за время пребывания в британской дипломатической миссии глаза Орхидеи постепенно привыкли к западной моде. Но совсем другое дело – самой все это носить!

Когда она находилась в окружении императрицы, туалет юной принцессы подчинялся правилам неизменного ритуала: после выхода из ванной служанка одевала ее в шелковое белье, пропитанное благовониями, потом ее облачали в длинное атласное платье, отороченное или не отороченное мехом – в зависимости от времени года, и в расшитую муслиновую тунику. Кроме того, ей надевали шелковые белые чулки и маньчжурскую обувь из расшитого шелка и с высокими двойными каблуками, находившимися посередине подошвы.

Теперь же, помимо белья, тоже шелкового или из тонкого батиста, нужно было еще надевать панталоны, практическая польза от которых не была очевидной, а также юбки, украшенные красивыми кружевами. Это не было самым неприятным, ибо еще существовал белый атласный корсет – такой безобидный на вид, но, по сути, представлявший собой настоящее орудие пытки...

Опасаясь возможной отрицательной реакции жены, Эдуар решил лично произвести первую примерку: посоветовал ей ухватиться за одну из стоек каюты, поддерживавших потолок, а сам принялся тянуть за длинные шнурки. От природы воздушная и изящная, Орхидея почувствовала, что ее тело как будто бы разрезают надвое. Дыхание перехватило, талия, конечно же, стала уже, но ее красивые, упругие и хорошо посаженные груди, как ей показалось, поднялись до самого подбородка... Привыкшая к полной свободе своего тела, она запротестовала:

– Так ли уж необходимо, чтобы я натягивала на себя все это?

– Необходимо, душа моя! Будь ты принцессой или мелкой буржуазкой, все едино: если ты не носишь корсета, то слывешь женщиной дурного поведения.

Платья, сделанные из легких и восхитительных тканей, немного успокоили новообращенную, но обувь оставалась проблемой. Привыкшая к бархатным туфлям на войлочной подошве или к очень высоким башмакам, в которых женщины старались двигаться как можно меньше, дабы уподобиться идолу, Орхидея нашла ужасными и очень неудобными ботинки и туфли-лодочки, а также котурны⁴ с высоким каблуком, вынуждавшие ходить словно на цыпочках. Но ей было так приятно, когда Эдуар, встав перед ней на колени, снимал их, и ее так волновала та нежная ласка, с которой он снимал с нее тонкие шелковые чулки, что она к этому быстро привыкла.

Однако когда он захотел, чтобы она надела вечернее платье с большим декольте, чтобы пойти на званый ужин, Орхидея испуганно отказалась: сокровища ее красоты были предна-

Ей ведомы шестьдесят четыре искусства, она дарит радость Богу-Творцу» (прим. пер.).

⁴ Котурны (платформы) – высокие открытые сапоги из мягкой кожи, которые носили только обеспеченные люди. Они увеличивали рост женщины и придавали величественность фигуре (прим. пер.).

значены исключительно для глаз супруга. Ведь это только куртизанки выставляют на всеобщее обозрение свои плечи и шею!

И на этот раз заставить ее уступить оказалось невозможно.

В дальнейшем лучшие парижские кутюрье состязались в изобретательности, создавая платья для молодой мадам Бланшар, с отделкой вокруг шеи (к счастью, высокой и тонкой) из цветов, драгоценностей, кружев, тюля, полосок меха и муслиновых шарфиков, сквозь которые с трудом можно было хоть что-то рассмотреть.

Вот так, в примерках и различных открытиях, морское путешествие подошло к концу.

По сравнению с китайской деревней Франция показалась впервые увидевшей ее молодой женщине удивительно роскошной.

Париж поразил своими размерами, высокими зданиями, к сожалению, одинаково серыми, а также благородными дворцами, золочеными статуями – правда, часто непристойными! – и рекой, окруженной большими деревьями. Хороши были и сады: Орхидею радовало, что она поселилась рядом с большим и красивым парком. В нем не хватало только живописной грации пагоды или одного из тех гротов с шелковыми навесами, которых было так много в Запретном Городе и внутри которых вдоль стен стекали скрытые воды, заполняя бассейны, полные красных рыб. Летом, когда было очень жарко, императрица и ее придворные дамы любили уединяться там, чтобы порисовать, повышивать или послушать музыку...

В парке Монсо, окруженном высокой черно-золотой оградой, гуляли в основном дети, они катались на осликах или на маленьких повозках, запряженных козочками. Одеты они были во все новое и красивое, а сопровождали их полные женщины в шляпках из муслина, натянутого на жесткий каркас, с длинными шелковыми ленточками сзади... А кто-то просто приходил посидеть на железных стульях, выглядевших не слишком удобными.

Хотя дом, в котором Эдуар разместил свою молодую жену, не был похож на украшенные цветами дворцы ее детства, и чтобы попасть в него, следовало подняться по одной из тех мраморных лестниц, покрытых коврами, к которым она никак не могла привыкнуть, он все равно очень понравился Орхидеи.

Пройдя через тяжелую входную дверь из лакированного дуба, покрытую медными украшениями, сразу можно было попасть в помещение с толстыми коврами и большими шторами, красными или зелеными, в мир войлочный, мягкий, уютный и исключительно удобный, где всевозможные пуфы и подушки настраивали на тишину. Дом был своеобразным футляром из зеленого атласа для мебели, отделанной позолоченной бронзой, для множества драгоценных предметов, включая вазы и горшки, в которых находились живые цветы и величественные вечнозеленые растения. Темнота царила внутри этого элегантного помещения, и, уверенная во вкусе своего мужа, Орхидея вошла в него, словно кошка в бархатное гнездо. Единственным недостатком дома было отсутствие рабов. Только одна женщина, старая и одетая во все черное и белое, и мужчина со скучным взглядом (молодая женщина не могла поверить, что это не евнух!) и размеренными жестами склонялись перед ней странным образом, называя ее «мадам». По правде говоря, ни та, ни другой не выглядели особо осчастливленными ее появлением, но их чопорные физиономии так развеселили Эдуара, что Орхидея перестала обращать внимание на Гертруду и Люсьена.

Это было так прекрасно – жить день за днем, час за часом с Эдуаром, рядом с ним или в его объятиях!

Он один для нее что-то значил в мире, и Орхидея отказалась от поисков горничной, ибо ей приятно было одеваться и особенно – раздеваться с помощью мужа, который никогда не покидал ее.

Это постоянное присутствие казалось ей вполне естественным, потому что в Китае мужчина высокого происхождения обычно выходил из своего дворца только для того, чтобы

осмотреть владения и повеселиться вместе с друзьями. Конечно, если он не имел должности при дворе.

Но во Франции не было короля.

Ей потребовался почти год, чтобы начать понимать, на какие жертвы шел Эдуар ради любви к ней. Год – и посещение Антуана Лорана, которого Эдуар в один прекрасный день попросил написать портрет жены.

В тот день сеанс позирования подходил к концу. Орхидея вышла, чтобы поменять платье, а в это время двое мужчин обосновались в библиотеке с сигарами и бокалами коньяка.

И тут она вдруг вспомнила, что что-то забыла, вернулась и случайно услышала их разговор.

Антуан был возмущен снижением заработка своего друга на набережной д'Орсе⁵, где открыто не одобряли его брак с маньчжуркой. Война в Китае стоила слишком многих жертв, и Бланшара, несмотря на страстные протесты Стефана Пишона, его бывшего начальника, отправили в отпуск без сохранения содержания. Он делал вид, что это его позабавило, заявив, что подобная санкция позволяет ему жить, как ему захочется, и что у него достаточно денег. Тем не менее художник был убежден, что его друг не говорит правды: дипломат в душе и человек, предназначенный для большой карьеры до событий в Пекине, он не мог не сожалеть о том, что его буквально вытолкнули в жизнь, полную праздности.

– Да не такая уж она и праздная! Вместо того чтобы делать историю, я о ней лучше расскажу. Я планирую написать книгу о маньчжурских императорах... с помощью моей жены.

– Она весьма изысканна, но что думают об этом ваши родители?

– Ничего! – сухо ответил Эдуар. – Они даже не хотят об этом слышать. Моя мать, в частности, непримирима. Я разочаровал ее. Она мечтала о большом посольстве для меня: в Риме, Берлине, Лондоне или в Санкт-Петербурге, об аристократическом браке, который позволил бы моим детям добавить что-нибудь особое к моему имени, которое она находит слишком буржуазным...

– Но вы женились на принцессе. Из императорской семьи! Она должна быть довольна!

– Она не верит ни одному слову. Признаюсь, я ожидал от нее не самой благоприятной реакции. Однако все же надеялся хоть на какое-то понимание. Она всегда проявляла ко мне такую нежность... Мой отец более любезен. Даже добр. Он хочет жить в мире. А это так непросто с моей матерью... Что же касается моего младшего брата, то он интересуется только своими растениями, своими разновидностями деревьев... Кстати, еще одно разочарование для мамы, которая утверждает, что он ни на что не годен. Теперь «ни на что не годен» не только брат: меня выгнали с работы! Родной дом и даже Ницца теперь для меня закрыты.

– Время может исправить положение...

– Смотрите правде в лицо! Это еще глупее, чем думать, что Орхидея сможет их оболести. Но все равно я счастлив, и я решил никого не пускать в свою жизнь, чтобы не испортить свое эгоистическое счастье.

– Но вы хоть иногда выходите куда-то, я надеюсь?

– Нас нигде не приглашают, но нам вполне достаточно друг друга. Мы ходим в театр, на концерты, в ресторан. И везде она блещет своей красотой и, как вы заметили, говорит она теперь на нашем языке почти идеально. Я очень горжусь ею и думаю, что нам хорошо бы поехать в путешествие...

Орхидея отошла на цыпочках, и Эдуар так никогда и не узнал о том, что она слышала этот разговор. Впрочем, ему было все равно: вместе они вполне могли обойтись без остального мира, потому что любили друг друга.

⁵ Набережная в Париже, где находится здание французского МИДа (прим. пер.).

В камине осталась куча серого пепла и несколько раскаленных угольков, жара которых не хватало для поддержания тепла в большой комнате. Орхидея почувствовала, как в нее проникает холод, всегда усиливающийся к концу ночи. Выросшая в суровом пекинском климате, изнуряюще жарком – летом и ледяном – зимой, она не была мерзлячкой; однако озноб пробежал у нее по спине, и она поспешила вернуться в постель.

Удивительно, однако ночь без сна принесла облегчение – страшная усталость, которую она испытала после того как вскрыла письмо, вдруг оставила ее. Надо было принять решение, и принять его быстро. Вместо того чтобы жаловаться на отсутствие Эдуара, вызванного в Ниццу к изголовью его больной матери, следовало с выгодой для себя воспользоваться этим.

Конечно же, о возвращении в Китай не могло быть и речи, но доставить настоящую радость императрице, доброе отношение которой она не забыла, ей хотелось. Тем более что она не видела ничего предосудительного в том, чтобы пойти и забрать священный предмет в доме напротив, то есть в Музее Чернуски⁶, ибо, по сути, это был дом вора, пусть уже умершего, но не ставшего от этого меньшим вором.

Орхидея решила: чем раньше она это сделает, тем лучше.

У нее всего четыре дня на осуществление задуманного, а потом – на переезд в Марсель, где на вокзале она передаст этот предмет человеку, который будет ее там ждать.

Она сделает это, и вернется обратно с первым же поездом. Позавчера, покидая ее, Эдуар сказал, что будет отсутствовать примерно неделю – вполне достаточно, чтобы успокоить раздраженное сердце Цзы Хи, которая после этого, возможно, согласилась бы оставить их в живых – саму Орхидею и ее дорогого мужа. Если Небо будет благосклонно к ней, ей удастся добавить еще один или два предмета к застежке от мантии императора Кьен-Лонга – это еще больше обрадует старую правительницу...

Мысль о том, что в момент ограбления она может быть схвачена и арестована полицией, отправлена в тюрьму, даже не пришла ей в голову. Она еще прекрасно помнила уроки «ловкости рук», полученные в «Красных фонариках», а потом – все, что она делала, было во имя восстановления справедливости: вернуть своей стране часть ее разграбленных богатств...

Восхитительная цель!

Подбодренная своим решением, Орхидея наконец-то сумела заснуть.

Во второй половине дня она надела теплое платье темно-синего цвета из шотландской шерсти, шубу, подбитую мехом куницы, теплые ботинки и голубую фетровую шляпку с узкими полями. Затем она закуталась в густую вуаль, предназначенную для защиты от ветра и посторонних взглядов, набросила на шею большую меховую муфту на серебряной цепочке, засунула туда руки в перчатках из тонкой замши и объявила, что собирается пойти погулять в парк.

– Мадам не боится замерзнуть? – спросил Люсьен своим напыщенным тоном, создававшим впечатление, что он ставит ударение на каждом гласном звуке.

– Нет, нет... Я приехала из страны, где зима гораздо суровее, чем здесь, а мне просто необходимо подышать свежим воздухом.

Мысль о парке явилась сама собой.

⁶ Музей, расположенный на авеню Веласкес в Париже, рядом с парком Монсо, состоит из экспонатов, собранных известным банкиром и путешественником Энрико Чернуски (1821–1896), и посвящен восточному искусству. В экспозицию музея входят коллекции древней керамики, шелка, персидской бронзы и надгробных памятников (прим. пер.).

Ведь было бы глупо идти в музей напрямую, просто перейдя через улицу! Она пойдет туда чуть позже и домой она тоже не вернется прямо, а свершив задуманное, немного прогуляется по бульвару Мальзерб и лишь потом повернет к себе...

Утром снова выпал снег, засыпав деревья и припорошив следы, оставленные теми, кто гулял накануне. Белый пейзаж вокруг был очень красив, тишина окутывала сад, где в такую погоду было совсем мало народа. Однако Орхидее хотелось, чтобы их было еще меньше, ей нужно было сосредоточиться и собраться с силами.

Возле Коринфской колоннады парка она узнала няню и мальчика – их соседа, сына шотландского банкира Конрада Джеймсона, но подавила в себе желание подойти к ребенку. Ей очень нравились его черные кудряшки под морской фуражкой и большие темные глаза. Она не могла смотреть на него и не думать о своем ребенке, которого она так хотела подарить мужу. Однако боги, похоже, не очень торопились с тем, чтобы их брак принес плоды, и она, полагая, что наказана за принятие Христа, часто погружалась в грустные размышления, несмотря на слова утешения, на которые был щедр Эдуар:

– Иногда дети появляются через много лет брака! Не стоит отчаиваться. Я, во всяком случае, готов ждать...

На этот раз ей не нужно было, чтобы «Джеми» подбежал к ней, как любил это делать, несмотря на гневные гримасы гувернантки, и она поспешно удалилась.

Час исполнения долга приближался.

Повернувшись на каблуках, она, не торопясь, но решительно направилась к бывшему дому господина Чернуски, прошла через подворотню, образованную двумя дорическими колоннами, поддерживающими балкон, с двух сторон которого, почти на высоте третьего этажа, сияли, словно два желтых глаза, два медальона из золоченой мозаики.

В этом доме в свое время жили Леонардо да Винчи и Аристотель.

Два года назад она заставила Эдуара пойти вместе с ней в музей в надежде хотя бы немного ощутить атмосферу своей родной страны.

Но попытка оказалась неудачной.

Красивые предметы из древней Китайской империи, разложенные в темных витринах, произвели на нее тяжелое впечатление: она словно узрела пленников, посаженных в клетку на посмешище и забаву черни! Даже те вещи, которые прибыли сюда из враждебной Китаю Японии, вызывали у нее жалость.

Но она обладала прекрасной зрительной памятью и отлично знала, где находится то, что она ищет.

Несмотря на решимость, ее сердце гулко стучало, когда, взяв входной билет, она поднималась по большой каменной лестнице, ведущей на второй этаж, где находилась огромная двухэтажная зала, освещаемая через длинную остекленную крышу. Там находился главный экспонат коллекции: огромная статуя Будды, привезенная Чернуски в 1868 году из Токио. И, кстати, в тот раз – вполне честным образом: в те времена храмы, отделенные от Империи специальным декретом, распродавали свои сокровища, чтобы выжить. Во время первого посещения музея Эдуар детально объяснил все это Орхидее, глубоко задетой видом Будды, пусть даже отлитого из японской бронзы, но стоящего на цоколе, вокруг которого не было ни горящих свечей, ни ладанных палочек. Полное отсутствие сумрака, благоприятного для молитвы, в этом огромном холодном зале: одни только витрины! Тогда она вышла из музея вся в слезах...

На этот раз нужно было туда вернуться.

Сейчас жизнь Эдуара и ее собственная зависели от ее смелости, и она спокойно, словно простая посетительница, вошла в зал, через стеклянную крышу которого пробивался бледный дневной свет. Она села на обтянутый бархатом диванчик, стоявший напротив огром-

ной статуи для тех, кто желал посидеть и поразмышлять. Белые порой выказывали себя до смешного деликатными.

Долгое время Орхидея сидела неподвижно и смотрела на Будду, который, казалось, улыбался ей и ждал подходящего момента. Музейный охранник в синей униформе стоял, прислонившись спиной к дверному наличнику. С его места достаточно было слегка повернуть голову, чтобы увидеть застёжку из бирюзы и золота, спокойно лежащую среди других гораздо менее ценных экспонатов, разложенных безо всякого вкуса, как если бы какой-то служащий музея достал их из кармана и случайным образом разбросал по красному бархату витрины.

Удача улыбалась молодой женщине: в зале она была одна.

Оставалось только подождать, чтобы охранник ненадолго отошел...

С натянутыми до предела нервами она попыталась сосредоточить свои мысли на этом пожилом мужчине, как будто в ее власти было удалить его отсюда. И вдруг он пошевелился, заложил руки за спину и, сделав несколько шагов, встал перед окном, рассеянно рассматривая заснеженный парк, а затем направился к соседней комнате, откуда раздавался чей-то голос.

Как только он повернулся спиной, Орхидея вскочила и бесшумно проскользнула к витрине. Вынув из своего манти длинную шпильку для волос, она уверенным жестом вставила ее в медный замок. Использовать подобный инструмент ей было не впервой – язычок быстро поддался. А остальное заняло лишь мгновение: она открыла витрину, просунула руку внутрь, схватила драгоценность и спрятала ее в мех куницы с атласной подкладкой. Затем она бесшумно закрыла витрину, вернулась на свое место и приняла прежнюю созерцательную позу.

На все ушло не более двух-трех секунд.

Под вуалью и мехами Орхидеи стало очень жарко.

Конечно, из-за волнения.

Но еще и от некоей странной радости – чувствовать сквозь кожу перчаток выпуклости драгоценных камней застёжки, некогда украшавшей мантию великого императора Кьен-Лонга и многих других, последовавших за ним. Говорили, что императору эта драгоценность импонировала своей древностью, ведь за много-много лун до него она украшала наряд императора-поэта Тайзю, основателя династии Сонгов.

Когда же она перешла к супругу Цзы Хи, женщина загорелась желанием завладеть сокровищем, но это ей так и не удалось, поэтому император Хьен Фонг признавал за этой вещью некую магическую силу. Увы, эта сила не помешала белым дьяволам украсть застёжку из Летнего дворца, когда тот был предан разграблению!

Когда охранник вернулся на свое место, Орхидея встала и спокойно сделала круг по залу, рассматривая выставленные экспонаты, иногда даже наклоняясь, чтобы лучше видеть, так как свет падал лишь через стекло крыши, а зимний день уже близился к концу...

С той же непринужденностью она продолжила осмотр, дошла до первого этажа, задержалась перед еще одним сокровищем музея: это был «кьен» – зеркало, представлявшее собой большой бронзовый таз, названный так потому, что вода, находившаяся в нем, предназначалась для отражения света факелов во время ночных церемоний. В конце концов она покинула музей, вернулась в парк, пересекла его быстрым шагом, вышла на улицу Монсо, затем – на бульвар Мальзерб.

К ее большой радости, была уже почти ночь, когда она возвратилась домой. Ее темно-синее одеяние прекрасно сливалось с ночным сумраком, и хотя ее ботинки совсем промокли, она была более чем удовлетворена.

– Мадам не следовало гулять так долго! – упрекнул ее Люсьен, заметив грязные мокрые следы, которые она оставила на ковре. – Мадам замерзла, и месье Эдуар будет недоволен...

– Я сейчас переоденусь. Скажите Гертруде, пусть она принесет чайные приборы в рабочий кабинет месье!

Слуга удалился, поджав губы.

Дело в том, что чайные церемонии приводили его жену-кухарку в бешенство. Гертруда очень гордилась своим искусством приготовления этого напитка в соответствии с лучшими английскими рецептами, но Орхидея ненавидела «tea», приготовленный служанкой. Это был единственный пункт, по которому она не терпела никаких возражений: она хотела пить чай по традициям своей страны. Утром же она пила очень черный и очень душистый кофе, как ее научил Эдуар.

– Пусть она и принцесса, – кудахтала ежедневно кухарка, – но не ей учить меня моему ремеслу! Хорошо еще, что она отказалась от «желтых листочков», собранных неизвестно под какой луной! Посмотрела бы я, что обо всем этом сказала бы матушка – мадам Бланшар?! Но она очень осмотрительна и не хочет встречаться с ней. Красавица девушка уж пусть лучше сидит здесь!

Тем не менее все, о чем просила молодая женщина, она поставила на серебряный поднос.

Когда чай был готов, Орхидея обхватила обеими руками зеленую, тончайшего фарфора, чашку и вдохнула ароматный запах, закрыв глаза. Волшебное благоговение в очередной раз унесло ее в беззаботное прошлое... Она с благоговением увлажнила чаем губы. Как будто Эдуар находился рядом с ней и первая чашка была предназначена для него: она бы ему ее обязательно предложила, сопроводив все соблюдением ритуала, вызывавшего у него улыбку.

Отсутствие мужа было тем тягостнее, что, несмотря на обещание, он не давал о себе знать.

Плюс еще эта миссия, это путешествие, которое она должна совершить одна!

Это волновало ее.

Прошлой осенью пришло письмо от Антуана Лорана, они обнаружили его, вернувшись из Америки, и в нем говорилось, что во Франции объявилась Пион. Полиция якобы разыскивала ее по подозрению в убийстве одного пожилого человека, но ничто не говорило о том, что ее схватили. Это тоже не способствовало рассеиванию гнетущих дум...

Ночью, лежа в своей огромной супружеской кровати, где вполне можно было затеряться, Орхидея никак не могла избавиться от беспокоивших ее мыслей.

Она никак не могла заснуть.

И тут в памяти вдруг с необычайной четкостью зазвучали стихи Куан Хан-кинга семи-вековой давности:

Свет серебряной лампы погасший,
Струйки ладана растворились...
Я скольжу за шелк занавески,
А глаза полны слез – одна!..
Что за вялость в теле такая,
и на ложе теперь я – одна!..
Покрывало тонко, не греет,
Не тепло и не холодно мне...

Довольно часто Цзы Хи пела эти стихи, положенные ею на музыку, и при этом каждый раз слезы невольно наворачивались на глаза. Орхидея не плакала, но с каждой минутой отсутствие мужа казалось ей все более и более невыносимым...

Ах, ей сейчас так необходимо было все ее мужество!

Вспомнив вдруг об отваре, приготовленном Гертрудой и оставленном на прикроватном столике, она залпом выпила его и почувствовала себя лучше. Настолько лучше, что вскоре провалилась в глубокий сон...

Громкий крик разбудил ее, и она с бешено бьющимся сердцем и дрожащими ногами вскочила с постели. В голове еще мутилось ото сна, и она на ощупь стала искать в темноте свой пеньюар. Найдя, она набросила его на себя и кинулась туда, откуда слышался шум. Раздававшиеся стоны и крики указывали ей направление...

Она тоже закричала:

– Что происходит? Что там такое?

Никто ей не ответил, но когда она миновала порог рабочего кабинета мужа, ей пришлось схватиться за дверной косяк, ибо сердце у нее остановилось: на ковре, лицом вниз, лежало распростертое тело.

В спине у него торчал кинжал, пригвоздивший убитого к полу.

И это было тело Эдуара.

Глава вторая

Полный кошмар...

Примостившись на краю кресла, уперев локти в колени и свесив руки между ног, комиссар Ланжевен озадаченно смотрел на молодую женщину, сидевшую напротив него.

Поверить в ее виновность было невозможно, несмотря на почти истерические обвинения кухарки, а также пусть и более спокойные, но не менее ядовитые наветы слуги.

Она вела себя достойно, но при этом явно находилась в безутешном горе. Она держалась прямо, сидя на стульчике возле камина, а ее маленькие и удивительно изящные ручки лежали на коленях, но взгляд был неподвижен, слезы стекали по щекам и капали на сатин китайского платья сливового цвета, которое она надела впопыхах, словно одеяние ее родины могло защитить ее от западной порчи...

Полицейскому приходилось слышать от своего приятеля Антуана Лорана, что юная мадам Бланшар очень хороша собой, но он не видел ее раньше, и теперь это стало для него настоящим открытием.

Она была поистине обворожительна!

Если бы не легкое растяжение уголков больших черных глаз, она вполне могла бы сойти за итальянку или испанку, но этот небольшой расовый признак придавал ей некий экзотический шарм и притягательность. Теперь Ланжевену было понятно, почему отстраненный от должности дипломат, любовный роман которого в свое время оказался объектом всех парижских хроник, из-за этой женщины потерял голову. Ходили сплетни, что «маньчжурская принцесса» была более влюблена в своего супруга, чем он в нее.

Но как тогда объяснить это жестокое убийство, если не принимать во внимание кухонные пересуды?

Орудием убийства стал изящный китайский кинжал, привезенный из Пекина, которым месть Бланшар пользовался для того, чтобы резать бумагу. Предмет этот, безусловно, был очень хорошо знаком его молодой жене, но какую нужно иметь силу и несгибаемую решимость, чтобы вонзить его по самую рукоятку в мускулистое тело спортивного мужчины в самом расцвете лет! С другой стороны, комната, из которой только что вынесли труп, оставалась в идеальном порядке, не было видно никаких следов борьбы. Или это слуги привели все в порядок перед приездом полиции?

Ланжевен глубоко вздохнул.

До этого момента ему удалось вытянуть из мадам Бланшар лишь несколько слов, причем каждый раз одних и тех же:

– Это не я... Я его не убивала.

Нужно было узнать хоть что-нибудь еще...

– Мадам, – сказал он с твердостью, не исключавшей, впрочем, и сочувствия, – нужно, чтобы вы рассказали мне все! Мне необходимо знать, что здесь произошло. Добавлю, что вам это, возможно, нужно даже больше, чем мне...

Отсутствующий взгляд устремился на него.

– Здесь ничего не произошло, абсолютно ничего.

– Как же вы можете говорить такое? Ведь ваш муж мертв.

– Он мертв... да... но я не знаю, как это произошло...

– Давайте попробуем разобраться вместе. Что вы делали этой ночью?

– Я спала. Что еще я могла делать в отсутствие моего господина?

Эта архаичная форма, вполне нормальная, может быть, для Китая, но так мало употреблявшаяся в Европе, вызвала тень улыбки на лице комиссара.

– Вы говорите, что его не было дома?

– Да, я это утверждаю. Два дня тому назад он получил... электрическое письмо, написанное на голубой бумаге. Вы разве его не нашли?

– Где оно находилось?

– Но... тут, на письменном столе. Он его оставил поверх своих бумаг. Я к нему не прикасалась.

– А кто-нибудь другой мог это сделать? О чем говорилось в телеграмме?

– Что он должен срочно ехать к своей матери, которая тяжело заболела. И он сел на поезд и уехал к ней.

– Вы хотите сказать, что он уехал в Ниццу?

– Да. Там живут его почтенные родители.

– Вы их знаете?

– Нет. Я никогда не была у них. Мне кажется, они не желали, чтобы я приезжала.

Ланжевен неожиданно поймал себя на мысли, что ему доставляет удовольствие слушать этот нежный, несколько приглушенный голос.

Однако он не должен поддаваться эмоциям!

Эта женщина прибыла сюда из страны, где умеют скрывать свои чувства. И ему показалось странным, что она плакала, не скрывая своей боли.

– Итак, вы спали, – снова заговорил он. – Расскажите, как вы проснулись, что потом делали!

– Я услышала крики женщины... Гертруды, как мне показалось, вскочила и прибежала сюда. И вот... я увидела.

– Ваш муж, наверное, вернулся ночью. Вы его не видели, не слышали?

– Нет. Я спала.

Комиссар вздохнул, встал и принялся шагать по ковру, заложив руки за спину. Проходя мимо Орхидеи, он вдруг протянул ей большой носовой платок в клеточку, кстати, совершенно чистый, который он вынул из кармана сюртука:

– Вытрите глаза и постарайтесь перестать плакать. Я должен сказать вам очень серьезные вещи!

Резкая смена тона задела Орхидею.

Она не взяла предложенный комиссаром платок, а вынула из рукава свой, батистовый, кружевной, которым и промокнула покрасневшие глаза:

– Не могли бы вы говорить со мной не в таком тоне? – произнесла она с достоинством. – Я не привыкла, чтобы со мной общались без уважения.

Ланжевен резко остановился и ошеломленно посмотрел на молодую женщину.

– И чем это я показал недостаток уважения?

– Я – особа императорских кровей. У нас считается, что люди из полиции могут приближаться ко мне лишь на коленях, ударяя челом о землю. Вы же только что обратились ко мне в резком тоне, лишенном учтивости.

Ошеломленный комиссар плюхнулся в первое попавшееся кресло и уставился на свою собеседницу так, будто она прилетела с другой планеты.

– Если я вас чем-либо задел, то тысячи извинений, – сморщился он, – но могу ли я вам напомнить, что вы обвиняетесь в убийстве вашего супруга ударом кинжала?

– Обвиняюсь кем?

– Вашими слугами. Они заявляют, что месье Бланшар не покидал дома, как это утверждаете вы, и что вчера вечером, устав от вашей ревности, он провел вечер... неизвестно где, но с женщиной, которая была его любовницей вот уже несколько месяцев...

– У моего мужа? Любовница? – воскликнула возмущенная Орхидея. – Вы, наверное, хотите сказать – сожительница?

– Да... что-то в этом роде!

– Здесь никогда не было другой женщины! Я первая и единственная супруга в доме моего господина. Если вы хотите говорить о женщине дурного поведения... то могу вас заверить, что у него просто не было времени на подобные вещи. И я еще раз утверждаю, что он уехал два дня тому назад...

– Еще раз – ваши слуги говорят совершенно иное: ваш муж вышел вчера вечером из дома, несмотря на ваше недовольство. Вы не ложились спать и ждали его возвращения.

– А я говорю вам, что спала, и спала крепко. Я даже попросила сделать мне успокоительный отвар...

– Никаких следов его мы не нашли. Позвольте мне продолжить! Месье Бланшар возвратился примерно в три часа ночи. Вы его ждали, и у вас с ним случилась размолвка. Слово за слово... и вы ударили его кинжалом, находившимся на письменном столе.

– Кто рассказал вам такую... бессмысленную сказку?

– Ваша кухарка. Она наелась кровяной колбасы, почувствовала проблемы с пищеварением и спустилась, чтобы приготовить себе чаю. И все слышала...

Орхидея с негодованием прервала его.

Этот человек был уверен, что все произошло именно так!..

Ей же давно известно, что кухарка и слуга ненавидят ее. Однако она не из тех женщин, что позволяют обвинять себя просто так: усилием воли она заставила себя успокоиться и подняла на полицейского свои уже высохшие глаза:

– Я не знаю, по какой причине эти люди лгут, но то, что они лгут, для меня очевидно. Никогда между мной и моим дорогим мужем не случалось никаких раздоров, и для меня было бы лучше потерять жизнь, чем разонравиться ему. Почему бы, вместо того чтобы верить этим людям, вам не поинтересоваться здоровьем его уважаемой матушки?

– Будьте уверены, мы этим займемся. Вы знаете их адрес?

– Вы хотите сказать, знаю ли я, где они живут? Я лишь знаю, что они живут в Ницце. А точное местонахождение дома должно быть указано в зеленой кожаной записной книжке, которая лежит рядом с ручкой на письменном столе.

Неожиданное вторжение Гертруды прервало разговор. Без фартука и колпака, одетая во все черное, она походила на эринию⁷. Тяжелый и полный ненависти взгляд, брошенный в сторону молодой женщины, свидетельствовал о ее чувствах к ней.

Комиссар нахмурил брови:

– Вы что, привыкли входить, не постучавшись?

– Прошу меня извинить, господин комиссар. Беспокойство... возмущение... горе...

– Короче! Что вам нужно?

– Я хочу знать, что намерен делать господин комиссар, чтобы принять решение.

– Какое решение?

– Вот именно! Все зависит... но я полагаю, что вы арестуете эту женщину?

Спокойствие Орхидеи, давшееся ей с таким трудом, в один миг улетучилось. Она резко выпрямилась, указала пальцем на дверь и слегка дрожащим от гнева голосом закричала:

– Вон отсюда, гнусная тварь! Твоя подлая ложь наполняет твой рот ядом. Ты осмелилась оскорбить своего хозяина, утверждая, что он, зная о болезни своей почтенной матушки, не помчался к ней. Убирайся! Или я тебя вышвырну отсюда!

Кухарка пожала плечами, а потом, повернувшись к комиссару, насмешливо бросила:

– Видите, какова она, когда в гневе? Если бы вы ее слышали этой ночью! Она наверняка разбудила соседей сверху!

– Я с ними еще поговорю об этом, а пока выйдите отсюда! Не вам указывать мне, что я должен делать.

⁷ Эринии – в древнегреческой мифологии богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии (прим. пер.).

Гертруда сразу же сникла:

– Извините, но меня можно понять: я так взволнована! Я... я не хочу и часа оставаться больше с этим созданием. Если вы не заберете ее, то мы... я и мой муж предпочтем уехать отсюда.

– Вы останетесь здесь и будете выполнять свои обязанности! Я с вами еще не закончил. Что же касается мадам Бланшар, то я хочу побольше узнать о ней. В любом случае никто не двинется с места до нового распоряжения! Двое из моих людей останутся здесь и проследят за этим. Семья господина Бланшара будет извещена и примет решения о квартире и прислуге, когда следствие закончится. Мадам, до свидания!

Кухарка вышла, и Ланжевен собрался было последовать за ней, но Орхидея задержала его:

– Все это означает, что вы считаете меня виновной... и что вы намерены арестовать меня? Но я же ничего не совершала, уверяю вас! Я клянусь, что мой дорогой Эдуар уехал в Ниццу!

– Исходя из того, что мне известно в настоящее время, я никому не верю! – сурово ответил полицейский. – Не скрою, подозрения падают на вас. Однако я не стану отправлять вас в тюрьму, пока не перепроверю кое-что. Сейчас же один полицейский останется в этой квартире, а другой – у наружной двери дома. А мы увидимся завтра!

Все это было сказано сухим, ледяным тоном.

И Орхидея поняла, что бесполезно говорить еще что-либо. Она ограничилась кивком головы, спрятала окоченевшие руки в рукава, повернулась и пошла в свою комнату.

Огромный рабочий кабинет мужа, куда Эдуар уже больше никогда не вернется, стал для нее отвратительным, непригодным для жизни. Да и комнату, где они вдвоем пережили столько чудесных мгновений, ждало то же самое, но пока она еще оставалась хоть каким-то подобием убежища. Завтра, возможно, если этот абсурдный кошмар не рассеется, за ней придут люди из полиции, чтобы бросить в темницу...

Сидя на краю кровати, молодая вдова слушала, как затихают удаляющиеся шаги и голоса.

Она не знала, что теперь делать, что думать.

Жуткая смерть мужа повергла ее в глубокое замешательство, преодолеть которое, казалось, было невозможно. Ей казалось, что она долго бежала от своих преследователей и вдруг оказалась в тупике, в то время как свора, несущаяся по пятам и готовая ее разорвать, приближалась.

Наконец, после длительного состояния прострации, в ней заговорило нечто похожее на животный инстинкт. Она была очень молода и слишком хотела жить, чтобы безропотно принять перспективу окончания своих дней в тюрьме. В какой-то момент она попыталась отстраниться от острой боли, сковывавшей ее, или хотя бы осознать, что же произошло.

Было в этой драме нечто такое, что не клеилось, что-то алогичное и даже абсурдное...

Только что, стоя на коленях перед телом убитого Эдуара, она инстинктивно обвиняла в убийстве своих собратьев по расе и особенно автора письма. Теперь же ей начало казаться, что она могла ошибаться, ведь ультиматум был формальный, но ясный: ее жизнь и жизнь ее мужа подвергнутся смертельной опасности только в случае, если она откажется подчиниться. Но до настоящего времени она четко действовала в соответствии с полученными указаниями. Тогда зачем «Священной Матери Желтого Лотоса» надо было убивать Эдуара, рискуя навсегда потерять возможность отыскать драгоценную застужку? Кроме того, воительница никогда бы не нарушила своего слова, особенно если она взяла на себя труд доверить его бумаге.

Наконец, если исходить из того, что преступление было совершено маньчжурами, то почему эти жалкие слуги, Люсьен и Гертруда, так стараются скрыть отъезд своего хозяина,

выдумав эту сцену ревности, закончившуюся кровопролитием? По какой причине они пытаются скрыть виновность тех, кого они, по сути, должны бы были ненавидеть?

Человек из полиции тоже представлял для молодой женщины загадку.

Сопровождая ее в рабочий кабинет мужа, он сначала показался ей мягким и любезным. Его лицо, обрамленное седыми волосами, бородкой и длинными усами, наводило на мысль о мудром Ли Юане, редком представителе семейства Орхидеи, встречавшемся во дворце, и она уже была готова довериться ему, но по ходу допроса его тон становился все жестче, и вскоре она поняла, что ложь слуг, высказанная с такой убежденностью, произвела на него впечатление.

Скорее всего он начал считать убийцей именно ее.

И разве она уже не была арестована в своем собственном доме?!

Она получила подтверждение этому, когда в полдень кто-то поскребся в ее дверь и объявил о том, что обед готов.

Обед был подан в столовой, и она могла пройти к столу.

Вновь прибывший был, вне сомнения, самым большим человеком, которого Орхидея когда-либо видела. Одет он был в черный костюм и белую рубашку с целлулоидным воротничком и черным галстуком, больше похожим на шнурок. Он напоминал приоткрытый шкаф... И над всем этим светилось широкое розовое и свежее лицо с рыжими, воинственно закрученными усами, которые явно должны были наводить ужас на окружающих. Впрочем, задача эта была невыполнима из-за двух трогательных ямочек на щеках и голубых глаз, похожих на незабудки. А весь ансамбль дополнялся двумя огромными лапищами, похожими на колотушки для белья, и ногами размером с две баржи, обутыми в кожаные черные ботинки, начищенные до блеска.

Когда люди видели его впервые, они не знали, что и подумать, но инспектор Пенсон, более известный в префектуре под кличкой Уродина, несмотря на необыкновенную наружность, обладал отвагой льва и романтической душой юной девушки. К тому же у него был прекрасный характер, и он умел талантливо и очень чисто насвистывать свою любимую мелодию «Время цветения вишни»⁸. Если вы слышали эту знаменитую мелодию, то могли с уверенностью сказать: инспектор Пенсон находится где-то поблизости!

Его появление в комнате Орхидеи очень ее удивило:

– Кто вы и почему вы позволили себе зайти ко мне? Я вас никогда не видела...

– Ну, конечно, ведь мы с вами раньше не встречались, – ответил Пенсон. – Начальник поручил мне сторожить тут все, но не сказал, чтобы я мешал вам есть.

– Я не голодна...

– В вашем возрасте человек всегда голоден, а потом, эти эмоции – они тоже вызывают аппетит...

– А кто готовил?

– Ну... эти два типа, которые здесь для этого и находятся!

– Я не буду больше есть то, что приготовила эта женщина! Она осмелилась обвинять меня, а значит, способна дать мне яду.

– Вот была бы глупость! Мне бы этого как раз хватило, чтобы засадить ее в тюрьму. Но я вас понимаю. Хотите, я пойду и куплю вам чего-нибудь?

– Если это не составит вам труда... мне бы хотелось хлеба, масла и фруктов. И еще немножко вина.

Инспектор не смог бы объяснить, почему эта красивая девушка, подозревавшаяся в таком страшном преступлении, внушала ему симпатию и вызвала желание оказать ей

⁸ Песня Шарля Трене на музыку Антуана Ренара и слова Жана-Батиста Клемана (прим. пер.).

помощь. Уж во всяком случае, дело тут было не в ее красоте: она точно не представляла собой тип его женщины, но в ней читалось такое страдание... именно это тронуло его.

– Я понял! Ничего опасного! – сказал он с добродушной улыбкой. – Я все вам приготовлю сам. А потом... вам надо будет попытаться отдохнуть хоть немного, потому что с допросами еще не покончено.

– А зачем задавать вопросы, если не верят ответам? Ваш начальник убежден, что это я убила своего мужа...

– Он вам так сказал?

– Почти... Когда он вернется?

– Я не знаю, но если вы невиновны, то он докапается. Это он на вид такой, а вообще-то он настоящий ас.

Некоторое время спустя Орхидея принялась за еду, поданную Пенсоном. С давних пор она знала: прежде чем бросаться в бой, следует подкрепить свое тело простыми и здоровыми продуктами. А она решила, что будет до последнего биться за жизнь и свободу, что для нее, по сути, было одним и тем же!

Она находилась в полной изоляции во враждебной ей стране, ибо относительно французов у нее не имелось никаких иллюзий: она уже прожила тут почти пять лет, и ждать ей здесь было нечего, кроме несправедливости, оскорблений и притеснений. Нужно было уезжать, и как можно быстрее!

Ее первой мыслью было – дожидаться ночи, но могло случиться так, что за ней пришли бы уже вечером.

Итак, бежать следовало срочно.

Куда? В Марсель, конечно же!

В Марсель, где послезавтра ее будут ждать и где она сядет на корабль, идущий в Китай, – единственное место на земле, где у нее еще могло быть будущее.

Еще раз, но уже под совсем другим углом зрения, она перечитала письмо, так напугавшее ее накануне, которое теперь излучало надежду.

Возвратиться назад!

Увидеть свою дорогую отчизну, своих бывших друзей, вымолить прощение у Цзы Хи, а затем спокойно жить возле этого источника мудрости, может быть, немного скучновато, но зато безмятежно! Потому что она, конечно же, не намерена была отдавать сыну принца Кунга свою руку, еще хранившую теплое воспоминание о руках Эдуара. Все, чего она хотела бы, – это чтобы ей позволили мирно доживать во вдовстве.

Как было бы хорошо снова увидеть красные стены Запретного Города и его великолепные сады! Как ей стало известно, они не пострадали от ярости победоносных союзных войск после окончания осады иностранных дипломатических миссий. И раз уж у нее не было возможности отдать последние почести телу ее горячо любимого мужа, она решила не оставаться в доме больше ни на час...

Закончив обед, она приступила к сборам.

С собой она решила взять дорожную сумку, достаточно большую, чтобы положить туда немного белья и предметов первой необходимости, но в то же самое время такую, чтобы ее легко можно было скрыть за широкими складками просторной бархатной накидки темно-красного цвета, подбитой мехом чернубурой лисицы, гармонизировавшей с обшитым сутажом платьем из красного и черного шелка. Было бы верхом глупости вновь одеваться в то же, что было на ней в момент ограбления музея!

В багаж она положила застешку императора, свои собственные драгоценности и значительную сумму денег, которую перед отъездом оставил ей Эдуар, всегда стремившийся ее

побаловать. Сумма в золоте и банкнотах выходила солидной, на нее можно было прожить достаточно долгое время и после прибытия в Китай.

Наконец, она взяла с собой подаренную мужем нефритовую статуэтку Куан Йин⁹, которой она тайно поклонялась из-за недостатка христианского образования. Это была единственная вещь, которую она на самом деле хотела взять с собой. Все остальное (даже личные вещи) никогда ей, по сути, и не принадлежало.

Она закрыла сумку, поставила ее в платяной шкаф вместе с накидкой, перчатками, муфтой, шляпой и плотной вуалью, которые она хотела взять с собой, обулась, надела выбранное платье, а сверху набросила большой пеньюар из японского шелка. Затем огляделась вокруг, ища орудие, которое помогло бы ей проложить дорогу. Требовалось нечто тяжелое, большое, но не слишком твердое, ибо ей ни в коем случае не хотелось убивать полицейского, который был с ней так любезен. У него и так появится масса неприятностей, если ее побег удастся!..

Она сразу же отвергла чугунную кочергу и остановила выбор на вешалке для шляп из покрытого лаком красного дерева, которую и поставила в пределах досягаемости руки...

После этого она разлила немного воды под батареей центрального отопления и вышла в коридор. Длинные ноги полицейского, читавшего в прихожей газету, перегораживали ей выход. Она направилась к нему.

– Не могли бы вы взглянуть? Мне кажется, что в комнате протекает батарея, – пожаловалась она.

Он тут же отложил в сторону свой «Пти Паризьен» и встал:

– К вашим услугам, мадам!

В комнате она показала ему место предполагаемой утечки, и он, естественно, присел, чтобы просунуть пальцы под чугунные секции батареи. Орхидея схватила свое импровизированное оружие, мысленно попросила прощения у этого славного человека, а затем точным движением нанесла ему сильный удар по голове.

Пенсон рухнул на пол.

Не теряя ни секунды, она связала ему руки за спиной с помощью шнура от штор, засунула в рот носовой платок и закрепила его шарфом, после чего скинула пеньюар, надела шляпу, опустила вуаль, натянула перчатки, набросила на плечи накидку и, схватив сумку, вышла из комнаты, закрыв дверь на ключ, а сам ключ опустила в первую попавшуюся вазу. Бесшумно, как кошка, она дошла до входной двери.

Квартира была погружена в полнейшую тишину.

Не было слышно ни звука, даже из кухни.

Не оглядываясь больше на этот дом, душа которого улетела вместе с душой Эдуара, Орхидея вышла на пустую лестничную площадку и осторожно потянула тяжелую дубовую дверь, хорошо ухоженный замок которой сработал без малейших щелчков.

Первое препятствие было преодолено...

Орхидея, сердце которой готово было выпрыгнуть наружу, сделала глубокий вдох, прежде чем начать спускаться по лестнице, устланной ковром, прижатым к ступеням медными рейками.

Она молилась сразу всем богам, чтобы внизу не оказалось консьержа.

И там его не оказалось.

Осталось сделать немного, но это было потруднее. Она знала, что комиссар поставил одного из своих агентов, чтобы тот охранял подступы к дому. Она подумала, что разумнее было бы пройти через сад за домом, но как перелезть через стену, отделявшую его от соседнего жилого дома, в таком одеянии?!

⁹ Куан Йин – одно из самых любимых и популярных божеств Востока. Это китайская богиня милосердия, сострадания и защиты, чье имя переводится как «та, которая слышит молитвы». Часто ее называют «Богоматерью Востока» (прим. пер.).

Орхидея решила: вряд ли у сторожа найдется повод ее окликнуть, когда она выйдет, ведь жители двух других этажей не были подвергнуты домашнему аресту!

Не углядев никого в униформе за стеклами, защищенными витыми бронзовыми украшениями, она решилась приоткрыть дверь и посмотреть на улицу. Тот, кого она опасалась, сержант в темно-синей форме, в плаще и форменной фуражке, натянутой на самые уши, стоял совсем близко. Второй топтался возле черно-золотой металлической ограды, отделявшей улицу от бульвара Мальзерб.

Они смотрели в другую сторону.

Набравшись смелости, Орхидея вышла и направилась к парку, где быстро скрылась за изгородью.

Никто ее не окликнул, не остановил, и она немного постояла, не двигаясь, чтобы унять гулкие удары в груди...

Зимний день был настолько серым, настолько темным, что казалось, будто он и не наступал. Желтоватое небо, отяжеленное снегом, мрачнело. Через час должна была прийти настоящая ночь. В парке было пусто, за исключением одной старой отважной дамы, кормившей голубей и воробьев...

Зная, что ее уже не видят, Орхидея углубилась под деревья, обошла Коринфскую колоннаду и прошла к Ротонде Леду, решетка которой выходила на бульвар Каруселль, и стала искать свободный экипаж.

Их не было, пришлось пройти пешком до площади Терн.

– На Лионский вокзал! – приказала она кучеру, прежде чем сесть на драповые подушки, новые, но уже пропахшие неприятным запахом охлажденного табака.

– Надеюсь, ваш поезд отходит не через десять минут, – ответил кучер, – по такому снегу я не стану просить мою Молодую Лань идти галопом.

– Нет, нет... У нас достаточно времени!

Она знала, что путь будет неблизкий, так как уже бывала на этом вокзале, когда вместе с ее дорогим мужем возвращалась из Марселя, а также из поездок в Йер и Канны, где они провели две последние зимы. Все тогда было прекрасно, а синие морские пейзажи и цветы казались написанными красками самой любви. Тогда им, помимо личной коляски Бланшаров, потребовался большой фургон с четырьмя лошадьми, чтобы перевезти вещи молодой пары...

А теперь Орхидея отправлялась с одной сумкой, да и то спасибо, что ей вообще удалось убежать. Прибыв на место, она, возможно, найдет время, чтобы купить себе одно или два платья.

Пока фиакр катил по бульварам, молодая женщина спрашивала себя, а не нашли ли уже ее жертву? И если нет, то сколько у нее еще имеется времени до тех пор, пока ее хватятся?

Вопрос не имел ответа, и Орхидея решила отдаться во власть убаюкивающих покачиваний экипажа, двигавшегося из-за мороза и гололедицы крайне осторожно. Кончилось тем, что она уснула, и это был самый лучший способ забыть на время о положении, в котором она находилась.

Когда фиакр остановился на вокзальной площади, она даже не заметила этого. Кучеру пришлось слезть со своего сиденья и слегка потрясти ее, чтобы она очнулась:

– Эй, мадам! – сказал он. – Мы приехали. Ведь вы сюда просили вас привезти?

Она вскочила, посмотрела вокруг еще мутным взглядом, странно улыбнулась своему Автомедону¹⁰ и спросила:

¹⁰ Автомедон – искусный оруженосец и возница Ахиллеса, а потом сына его, Пирра. Это имя сделалось нарицательным для тех, кто ловко правит лошадьми (прим. пер.).

– Мы на Лионском вокзале?

– Совершенно точно!

Она порылась в кошельке, который хранила в муфте, чтобы рассчитаться с кучером:

– Спасибо большое. И извините меня! Я, кажется, немного заснула...

– Уф! Мы все, как сурки, в такую погоду! Скажу вам, что я сам, когда валит снег, прямо валяюсь в сон! Позвольте, я помогу вам спуститься.

Она встала на землю и щедро заплатила добряку, поблагодарившему ее от всей души и взявшемуся лично отнести ее сумку в большой зал вокзала:

– Вот!.. Счастливого пути, мадам! Берегите себя!

Она поблагодарила его кивком головы и улыбкой, которую, впрочем, скрыла вуаль, и направилась к кассам за билетом.

– В котором часу будет ближайший поезд на Марсель? – спросила она.

Служащий, оценив элегантность спрашивавшей дамы и качество ее одежды, решил, что имеет дело с высшим обществом, но с ответом не торопился:

– Хм... Это зависит!

– От чего?

– От цены, какая вас устроит...

– Объясните! Я вас не понимаю.

– Извините! Если вас устроит поезд люкс, то есть «Средиземноморский экспресс», отходящий через сорок пять минут. Но это очень дорого. Там только спальные вагоны, зато...

– Если есть места, я беру.

Орхидея заплатила, но при этом вела себя довольно глупо. На самом деле она прекрасно знала этот поезд, так как путешествовала на нем уже два раза. Более того, это был именно тот поезд, на котором она должна была ехать завтра. Неужели она до такой степени взволнована и растеряна, что могла забыть об этом?! Чтобы избежать встречи с полицией, ей нужно было взять что-то попроще...

Когда она отошла от кассы, к ней приблизился носильщик:

– У вас есть багаж, мадам?

– Только эта сумка.

Она протянула ее ему, подумав, что тому, вероятно, покажется странным, что богатая пассажирка ничего больше с собой не везет, кроме муфты. Он взял ее билет, и она последовала за ним через пеструю толпу, наполнявшую вокзал. Носильщик двигался быстро, ей было трудно за ним поспевать на высоких каблуках. Она вынуждена была почти бежать, чтобы не потерять его из вида. Если бы на нем не было голубой униформы и перевязи, украшенной медной овальной бляхой, было бы трудно не потерять его в толпе, но благодаря такому быстрому движению он прокладывал ей путь как среди приезжающих, так и среди отъезжающих, образующих встречные потоки.

Огромный черный локомотив недавно прибывшего поезда еще продолжал выплевывать дым, наполняя высокий вокзальный свод черным туманом.

Наконец они выбрались из толпы и прошли за ограду, за которой стояли покрытые лаком вагоны из тикового дерева, украшенные блестящей медной отделкой. Это и был «Средиземноморский экспресс» – нечто вроде дворца на колесах, который мог доставить до Ниццы за пятнадцать часов и с наивысшим комфортом. Несмотря на запах угля, платформа напоминала огромный холл какого-то гранд-отеля: она сверкала дорогими мехами, драгоценностями, шляпками с перьями и английскими тканями. Повсюду слышалась речь на разных языках, ибо сезон на Лазурном Берегу был в самом разгаре, а значительная часть высшего европейского общества желала погреться на его солнце и вкусить прелестей его климата...

Орхидея мало кого знала, а посему не опасалась какой-либо нежелательной встречи.

Она шла, не глядя по сторонам, охваченная одним лишь желанием поскорее укрыться в уютном купе (она выкупила его целиком для себя одной), чтобы хорошенько отдохнуть до завтрашнего утра.

Носильщик подвел ее к человеку в коричневой униформе со скромными галунами, стоявшему возле подножки одного из центральных вагонов, с книжечкой и карандашом в руках. Это был проводник, в обязанность которого входило следить за благосостоянием, здоровьем и самой жизнью вверенных ему пассажиров. Он стоял к ней спиной, полностью занятый некоей дамой, завернутой по самые глаза в шиншилловое мантио, настолько просторное, что оно казалось огромным. Поверх пальто виднелись шляпка, сидящая на копне белокурых, слегка растрепанных волос, и кончик розового носа. Молодая и, по всей видимости, красивая, пассажирка топала от волнения ногами, трясла обеими руками за рукав служащего и бросая тревожные взгляды на прибывающих пассажиров.

– Быстро! Быстро! Мой номер!.. Мне нужно немедленно быть в моем купе!

В ответ раздался слегка ироничный, но приятный и спокойный голос проводника:

– Успокойтесь, мадам, поезд не уйдет без вас, и дайте мне возможность найти ваше место! Я не смогу этого сделать, если вы будете так меня трясти! А, вот оно! Мадемуазель Лидия д'Оврэ: купе номер четыре. Разрешите вам помочь? – добавил он, нагнувшись, чтобы взять сумку и чемодан, который она поставила у ног, но она не позволила ему это сделать. Судорожно схватив свой багаж, она бросилась к ступенькам вагона, где, запутавшись в своем мантио, чуть было не упала. Конечно же, служащий кинулся ей на помощь, но вместо благодарности она вдруг заявила:

– Если кто-то будет спрашивать меня, вы меня не видели! Меня здесь нет... Понятно?

– Абсолютно! Вас здесь нет! – сказал он, не скрывая улыбки, и повернулся к Орхидее и ее носильщику.

Та не смогла удержаться от возгласа удивления:

– Ах!

Перед ней стоял Пьер Бо, бывший переводчик при французской дипломатической миссии в Пекине.

Ей было известно, что он служит на «Средиземноморском экспрессе», она уже однажды ездила с ним, но ей и в голову не могло прийти, что она снова попадет именно в его вагон.

Отступать уже было поздно: носильщик подал ему проездные документы, а тот любезно ее поприветствовал, заглянув в свою книжечку:

– Мадам повезло: у меня как раз осталось одно спальное место. Могу я узнать вашу фамилию?

Орхидея открыла было рот, но, несмотря на вуаль, он уже признал ее:

– Мадам Бланшар? И вы одна?

Надо было отвечать, продолжать игру.

Впрочем, еще никто ничего не знал о драме, разыгравшейся на авеню Веласкес, а газеты могли сообщить об этом не раньше завтрашнего дня. Немного удачи – и она вполне может без проблем сесть на корабль и отплыть в Китай!

– Я еду к мужу в Марсель, – спокойно ответила она. – Позавчера вечером он отправился в Ниццу к своей матери... может быть, вы его видели? Он должен был ехать этим поездом.

– Нет. «Средиземноморский экспресс» отправляется каждый вечер, и я, конечно, не могу работать на каждом рейсе. Но я счастлив принять вас! Жаль, что не могу проводить вас до места встречи с вашим супругом. Я его давно не видел, и мне было бы очень приятно с ним повидаться.

– Возможно, в другой раз. Я ему обязательно передам, что встретила вас.

– Большое спасибо. А пока позвольте заняться вашим устройством. У вас спальное купе номер семь.

Следуя за ним, Орхидея попала в узкое помещение из красного дерева и бархата, где, несмотря на тесноту, имелось все необходимое для спокойного и приятного путешествия: зеркала, паровое отопление, поддерживающее нужную температуру, мягкая кушетка, газовое освещение, маленький туалет и прочие самые современные удобства.

Пьер Бо поставил сумку Орхидеи на скамейку, которая позднее превратится в кровать, и задержался, заметив бледное, изможденное от усталости и полное тревоги лицо Орхидеи, когда та сняла вуаль.

– У вас все в порядке, мадам? Вы выглядите очень утомленной...

– Так оно и есть. Видите ли... после отъезда моего дорогого Эдуара я совсем не спала... Просто... мы никогда до этого с ним не расставались.

– Наверное, вам следовало ехать вместе с ним?

– Конечно, это было бы лучше всего, но... его семья до сих пор не признала наш брак... И он не знал, что делать со мной. Мы оба думали, что будет лучше, если я останусь дома, чем ждать его в каком-то отеле.

– Извините меня! Раз вы теперь едете к нему, вам хватит ночи, чтобы прийти в себя. Желаете ли, чтобы вам подали что-нибудь? Может быть, чаю?

Несмотря на драматизм ситуации, в которой она находилась, Орхидея смогла заставить себя улыбнуться этому человеку, светлые глаза и тонкое лицо которого выражали столько понимания.

– Если бы вы могли предложить мне чай по-китайски, я сочла бы это самым большим благом. К несчастью, в Европе чай больше готовят на английский или русский манер. У себя дома я вынуждена была сражаться много месяцев, пока не добилась хоть чего-то приемлемого. Но в ответ я получила ненависть нашей кухарки...

– Ненависть? Не слишком ли сильное слово?

– Не думаю, что преувеличиваю, ведь у меня есть доказательства. В любом случае чашечка чая, каким бы он ни был, сейчас доставила бы мне удовольствие.

– Международной компанией спальных вагонов все предусмотрено для удобства пассажиров. Мы умеем готовить чай различными способами... Я позабочусь об этом, а в котором часу вы хотели бы поужинать в ресторане?

– А так ли необходимо туда идти? Я, конечно, проголодалась, но разве нельзя сделать так, чтобы меня обслужили прямо здесь? Я никогда еще не ужинала в общественном месте без моего мужа. Я боюсь показаться... слишком зажатой.

– Я все устрою без проблем. Пойду распоряжусь, чтобы занялись вашим чаем и принесли вам меню...

– Спасибо... большое спасибо!

К своему немалому удивлению, Орхидея через некоторое время увидела официанта в ливрее с серебряным подносом, на котором стояли кипятилок, чашка и заварной чайник, сделанный, по всей видимости, где-то в районе Кантона. Еще на подносе лежал пакетик великолепного цинг-ча – зеленого чая, который собирают до начала сезона дождей в долине Голубой Реки, а затем высушивают на солнце. Есть, кстати, еще замечательный хонг-ча, или красный чай, называемый европейцами черным или чаем «сушонг». Его высушивают в искусственных условиях, но он распространяет вокруг себя не менее приятный запах.

Мысленно благодаря своего старого товарища по осаде, молодая женщина выпила несколько чашечек своего любимого напитка. Она даже не заметила, как поезд тронулся и начал свой длинный путь в направлении Страны солнца.

После того как все пассажиры были окончательно определены по своим «ячейкам», Пьер Бо не смог удержаться и лично принес меню вагона-ресторана той, кого он с первой встречи называл «моя нефритово-жемчужная принцесса»... даже не подозревая, что речь и в самом деле шла о Ее Высочестве.

Впрочем, надо признать, что на ней не было знаков принадлежности к высшей касте, когда он впервые увидел ее в слишком длинной куртке и синих панталонах. Она набирала воду из колодца, и чистота ее лица, изысканная изящность кожи и рук, красота серьезного взгляда темных глаз заставили его сердце забиться сильнее. А ее имя – Орхидея – просто сразило его, ведь этот цветок был так красив и это имя так шло ей!..

Однако он быстро понял, что шансов на взаимность у него нет: Орхидея никого вокруг не видела и боготворила одного лишь Эдуара Бланшара. Это читалось в ее взгляде, в невольной улыбке, заставлявшей ее лицо расцветать, как цветок, при его появлении...

Пьер спрятал свои чувства глубоко-глубоко в сердце, не позволяя черной зависти омрачить их. Он любил для себя самого, ради самого счастья любить.

И как он радовался, когда она спасла жизнь Александре Форбс и тем самым доказала свою привязанность к людям с Запада, а потом он мужественно заставил себя присутствовать на церемонии бракосочетания, проведенной монсеньором Фавье. Прекрасно понимая, что от такой «болезни» ему никогда не вылечиться, он дал себе слово держаться подальше от Бланшаров, а посему не принял ни одного их приглашения, избегал любых попыток сближения и очень сожалел, что не может смениться, когда однажды увидел их имена в списке пассажиров своего вагона. Это случилось с ним впервые и было отравлено горечью неравенства: они теперь были далеки от трагических пекинских событий и от повседневного героизма, который сближал человеческие судьбы и стирал грани между различными социальными слоями. Ему так хотелось предстать перед молодой женщиной эдаким разлюбленным богатым и элегантным пассажиром, а не скромным железнодорожным служащим!..

Молодая пара была очаровательна, сердечна, и они от всей души радовались встрече, но он не разделял этой обходительности. Конечно же, он улыбался, но говорил мало, и если и выделял их из числа других пассажиров, то делал это весьма деликатно. Никогда еще путешествие не казалось ему таким долгим, как в тот раз, а ночные часы, которые он просиживал на своем месте в конце коридора, тянулись нескончаемым мучением: ведь за дверью из красного дерева находилась та, чей образ он так и не смог изгнать из своего сердца. Она выглядела еще прекраснее, чем когда-либо, удивительно элегантная, будучи даже одетой по европейской моде, которую он не любил и искренне считал абсурдной. Ему было бы в сотни раз приятнее увидеть ее такой, какой она была в день бракосочетания, – сказочной принцессой, облаченной в атлас цвета зари с очаровательной диадемой из цветов и драгоценностями маньчжурской знати. Однако она была настолько грациозна, что могла оставаться очаровательной даже в этом дурацком корсете с ленточками, сутажом, кружевами, орнаментами, перьями и разного рода безвкусными побрякушками, которыми кутюрье имели обыкновение обвешивать своих клиенток: настоящая парижанка!

Но он предпочел бы видеть ее в простом белом старинном одеянии...

Сейчас же, очутившись с ней лицом к лицу, Пьер был шокирован.

Одна, почти без багажа в купе его поезда – это было удивительно, несмотря на ее рассказ о внезапном отъезде: зачем было встречаться в Марселе с мужем, уехавшим несколько дней назад в Ниццу, в то время как проще было бы уехать сразу же вдвоем?

Было очевидно, что с молодой женщиной что-то не так, и бывший переводчик инстинктивно учуял в этом что-то необычное, может быть, даже драматическое: и подтверждение тому находил в странном изменении тембра голоса, в черной вуали, которая, несмотря на плотность, не могла скрыть ее осунувшихся черт лица...

Когда он принес ей меню, он уже знал: что-то не так.

Орхидея сняла вуаль, и он заметил горькую складку на ее лице, следы слез – почти незаметных для человека безразличного, но слишком хорошо видимых тому, кто влюблен.

Его нефритово-жемчужная принцесса страдала.

Но от чего?..

Совершенно не догадываясь о мыслях, вертевшихся в голове этого человека, которого она почти не знала, но который оказывал ей такое деликатное внимание, Орхидея малопомалу обрела равновесие, которого ее лишили последние часы жизни. Обволакивающий комфорт купе, тонкий и хорошо знакомый аромат чая, приготовленного, как она любила, тепло и ритмичное покачивание вагона – все это действовало как анестезия, придавая новые силы.

Чтобы еще более изолировать ее от внешнего мира, Пьер Бо перед самым отходом поезда задернул бархатные шторы, и молодая женщина не видела ни пригородов, ни сельских просторов, через которые они проезжали. Как будто он захотел, чтобы она закрыла глаза и не открывала их до самого синего моря, по которому скоро поплывет...

Однако после ужина, состоявшего из гребешков Сен-Жак, яичницы с грибами, зеленых бобов и взбитого шоколада (с прибытием в Европу она проявила истинную страсть к шоколаду), она согласилась выйти на некоторое время в коридор, пока ей приготовят постель.

Зная, что она сейчас предпочла бы одиночество, Пьер Бо использовал благоприятный момент – первую смену в вагоне-ресторане. В это время там обычно собиралось больше всего народа, коридор же был пуст, за исключением молодой дамы в шиншилловом манто, которая явно не имела желания куда-либо уходить и ждала, когда ей тоже приготовят постель на ночь.

Купе двух женщин находились недалеко друг от друга.

Они стояли почти рядом, но если молодая вдова, прислонившись спиной к перегородке, не обращала никакого внимания на другую пассажирку, та, напротив, постоянно смотрела на нее с выражением горячего желания начать разговор, но сама сделать это не осмеливалась. В конце концов она расхрабрилась:

– Извините меня за то, что я обращаюсь к вам, не имея чести быть представленной, – сказала она сдержанным голосом. – Но вы здесь единственная пассажирка, занимающая целое купе, и я хотела бы спросить, не могли бы вы оказать мне услугу.

Лицо у нее было восхитительное, улыбка – очаровательная и симпатичная, голубые глаза так искренни... все это тронуло Орхидею до такой степени, что она сочла, что у нее нет никаких причин не удостоить ее любезного ответа:

– Если это не очень сложно...

– Думаю, что несложно, но вначале я должна вам сказать, кто я такая: меня зовут Лидия д'Оврэ, я из «Буфф Паризьен»...

– Извините меня, я редко хожу в театр. Вы актриса?

– Да, в некоторой степени, а еще я пою и танцую. Пользуюсь достаточным успехом, – уточнила она с простодушным удовлетворением. – Это очень приятно, однако из-за этого иногда возникают большие проблемы с мужчинами...

– Вы должны очень нравиться им, – сказала Орхидея. – Вы на самом деле очень красивы!

– Большое спасибо, хотя иногда мне совсем не хочется быть такой! Например сейчас! Я... у меня было приключение с одним русским князем... человеком прекрасным... очень богатым, но страшным ревнивцем и невозможным тираном. Он... он меня преследует и... раз уж я начала, скажу все! Я от него сбежала...

Выйдя из купе Орхидеи, Пьер Бо прервал ее. Лидия д'Оврэ непринужденно, что свидетельствовало об уме, не меняя тона, продолжала говорить, но уже о красотах заснеженных

пейзажей, мелькавших белизной за окнами, в которых отражались лишь пассажиры, стоящие в коридоре. Пьер, не желая мешать их беседе, удалился и исчез в другом конце вагона с другим служащим, только что закончившим застилать постели.

Что же касается Орхидеи, то она вдруг почувствовала искреннюю симпатию к этой милой маленькой женщине. Ведь она тоже могла бы пожаловаться на мужчин! Одна бежала от одного из них, а другая – от полиции. Они были сестрами по несчастью.

– Скажите, а чем я могу вам помочь?

– Это очень просто. Я хочу поменяться с вами купе, но так, чтобы этот человек... то есть... проводник ничего об этом не знал. Гри-гри, я так называю его, способен на все, чтобы меня разыскать... даже на то, чтобы подвергнуть пыткам проводника!

Несмотря на ее трагический тон, Орхидея не смогла удержаться от улыбки. Это ее страшно поразило: что же она за женщина, если может улыбаться, когда Эдуар умер всего двадцать четыре часа тому назад?!

– Я не представляю, какие пытки можно организовать в поезде люкс? – сказала Орхидея. – Что же касается господина Бо, я его знаю с давних пор. Он не способен предать женщину. Вам бы следовало больше ему доверять.

– Нет, – решительно заявила Лидия, – он мужчина, а я не верю ни одному из них! Либо они соперники, либо поддерживают друг друга. Если по каким-то причинам мое предложение вам не подходит, я пойму.

– Почему вы решили, что не подходит? Все купе одинаковы!..

– Значит, вы согласны?

– Я согласна... и я ничего не скажу... Когда наш проводник вернется, я пожелаю ему спокойной ночи и буду наготове. Вы же, со своей стороны, ждите подходящего момента, чтобы он удалился, и сразу же приходите ко мне.

– О! Благодарю вас от всего сердца, и если я могу быть хоть чем-нибудь вам полезной, просите! Обещаю и клянусь, я все сделаю!

И к великому удивлению Орхидеи благородная представительница семейства д'Оврэ с торжественным видом выбросила вперед руку и сплюнула на пол. Орхидея на секунду задумалась: а стоило ли так делать, но потом решила, что ведь саму-то ее никто не просил ни в чем клясться. И она задала еще один вопрос:

– Вы тоже едете в Марсель?

– Нет. В Ниццу. Это что-то меняет?

– Нет, но меня должны разбудить до прихода поезда.

– Если позже он и откроет, что мы совершили обмен, то тогда это уже не будет иметь никакого значения. Но я тоже попрошу его разбудить меня до того, как мы подьем к Марселю.

– Итак, договорились...

– И еще! Не хотите сказать мне свое имя, мадам?

– Мы больше никогда не увидимся. Послезавтра я отплываю на корабле в Китай, но мне будет приятно знать, что у меня здесь осталась подруга. Меня зовут Ду Ван... Принцесса Ду Ван!

Глаза у маленькой блондинки широко раскрылись:

– Вот это да!.. Принцесса? А я-то удивлялась, откуда у вас такие благородные красота и осанка!..

Орхидея позволила себе улыбнуться еще раз под впечатлением того, что она сама только что сказала. Ее прежнее имя само соскользнуло с губ, как будто бы она хотела сбросить и оставить здесь, во Франции, образ девчонки-беженки, дочки торговца, которой она так долго была. Разве так будет не лучше, если она на самом деле стремится обрести насто-

ящее равновесие и вновь стать той, кем некогда была? Тишина садов Запретного Города завершит возрождение, которое будет длиться до самых врат смерти...

Все произошло так, как и задумали две беглянки.

Когда Пьер Бо возвратился, Орхидея поблагодарила его за заботу и прежде чем пожелать ему спокойной ночи, настоятельно попросила, чтобы ее никто не беспокоил, что вызвало у проводника улыбку:

– Для этого не может быть никаких оснований, мадам. Я внимательно буду следить за вашим сном. Спите спокойно!

Некоторое время спустя, воспользовавшись моментом, когда проводника позвала в другой конец вагона некая дама с властным голосом, молодые женщины благополучно осуществили задуманную операцию по двойному перемещению.

Орхидея очутилась точно в таком же купе, вплоть до последних мелочей: лишь аромат туберозы, оставшийся от Лидии, говорил о том, что здесь находилась какое-то время другая хозяйка. Орхидея не любила этот запах. Убежденная, что в такой атмосфере она не заснет и стремясь избежать пробуждения с головной болью, она отдернула шторы и открыла окно. Сильный порыв ветра вместе со снегом ворвался в купе. Она тут же прикрыла окно, оставив лишь небольшую щель, а также пространство между шторами для того, чтобы воздух мог свободно проходить, выветривая нежелательный запах.

Потом она быстро разделась, легла, погасила свет, натянула одеяло до самых ушей, свернувшись в клубочек в этом теплом гнездышке и практически мгновенно заснула.

А «Средиземноморский экспресс» невозмутимо продолжал свой путь по заснеженным землям Бургундии...

Глава третья

Марсельский вокзал

Орхидея резко проснулась – кто-то дернул дверь купе. Она едва успела заметить огромный силуэт в дверном проеме на фоне освещенного коридора, и на нее тут же навалилась огромная бородатая масса, пахнувшая «Ирисом Флоренции» и английским табаком. Казалось, у этого существа так же много рук, как у Шивы, оно произносило на незнакомом языке какие-то слова, напоминавшие нежные обращения, вроде «моя голубка» и «душа моей жизни»...

Задышающаяся, зацелованная, Орхидея вначале полностью растерялась, но потом смогла наконец оторваться от него и так пронзительно завизжала, что нападавший отскочил. И тут же заявил обидчивым тоном:

– Голубка моя! Зачем заставлять так страдать твоего Гришу, который очень тебя любит?

Мгновенно осознав, что она имеет дело с тем самым русским, которого так боялась звезда из «Буфф Паризьен», Орхидея хотела сразу же покончить с этим недоразумением, но этот тип вдруг с непостижимой нелогичностью закрыл ей рот здоровенной, как тарелка, ручищей с целью предотвратить новый крик. Однако и первого оказалось достаточно. Через мгновение в купе загорелся свет, и в него ворвалась дама в сиреновом халате и бигудях, размахивая зонтом, который она, не колеблясь, обрушила серебряной рукояткой в виде головы утки на череп возмутителя спокойствия.

Оглушенный, тот ослабил хватку, и Орхидею удалось спихнуть его на ковер. Вскочив, она набросила на себя домашний халат, который прихватила, убегая, и, поддерживаемая той, которая отважно пришла ей на помощь, вышла в коридор, где уже собрался весь вагон. За исключением, конечно же, Лидии д'Оврэ, пребывавшей, без сомнения, в особо глубоком сне... либо не пожелавшей даже пальцем шевельнуть...

Зрелище, которое представляли собой собравшиеся пассажиры, оказалось весьма живописным: повсюду пестрели разноцветные халаты и копны вздыбленных ночных причесок. Все говорили хором, но всеобщим объектом внимания был Пьер Бо, которого только что подняли и усадили на сиденье и который медленно приходил в себя благодаря стараниям пожилого господина с бородкой и в пенсне, давшего ему испить содержимого своего дорожного флакончика.

Расталкивая всех, Орхидея бросилась к нему:

– Вы ранены? Что произошло?

– Слегка оглушен, – ответил пожилой господин, во второй раз вставляя горлышко флакона в рот проводника. – Это животное напало на него, – добавил он, указывая на некое доисторическое существо, сплошь покрытое волосами от русской папахи до середины груди, где заканчивалась его длинная борода, и которое с огромным трудом удерживали два пассажира.

Орхидея встала на колени перед Пьером:

– Мой бедный друг! Почему он на вас напал?

Несмотря на затуманенный разум и колющую боль, Пьер, видя такую заботу, не смог сдержать восхищенной улыбки:

– Не знаю!.. Я только увидел, как из другого вагона пришел этот русский грубиян. Он велел мне сообщить, здесь ли едет мадемуазель д'Оврэ и какой у нее номер купе. Я, естественно, отказался отвечать... Тогда он повернулся к этому человеку, шедшему за ним следом, и крикнул: «Игорь!» Я увидел... огромный поднимающийся кулак... а затем ничего! Вас побеспокоили, мадам Бланшар?

– Да. Какой-то монстр вышиб дверь моего купе и набросился на меня, приговаривая какие-то слова, которые я не могла понять. И я не знаю, что все это может означать.

– Во всяком случае, теперь он посидит тихо в течение какого-то времени! – сказала дама, чей зонтик пришел на помощь Орхидее и которая стояла теперь, закрывая собой вход в купе, где произошла драма. Она тут же бросилась к проводнику:

– Ах, мой бедный Пьер, а вас неплохо отделали! У вас шишка размером со страусиное яйцо!

– Это пустяки. Как я понимаю, мадам генеральша, это вы обезвредили противника?

– Почему бы и нет? Этот зонтик уже не раз послужил мне в разных ситуациях. Мой верный товарищ! Между прочим, стоило бы предупредить о случившемся кого-нибудь еще... других проводников, начальника поезда... ведь этот бандит способен все тут переломать. Вы только послушайте, что за звуки он издает!

И действительно, перегородка из красного дерева сотрясалась от сильных ударов, словно человек, закрытый внутри, хотел разломать ее.

Орхидея с чувством искреннего восхищения поблагодарила незнакомку – героя сражения.

Это было самое удивительнейшее создание, которое ей когда-либо приходилось видеть!

Круглая, как шар, «мадам генеральша» тем не менее держалась изысканно, как королева, несмотря на свои бархатные папильотки сиреневого цвета на голове и две седые косички, стянутые лентой такого же цвета и энергично подпрыгивающие у нее за спиной. Когда-то она была потрясающе красивой: даже несмотря на заплывший подбородок, ее профиль выглядел удивительно изящным, а тени редкого фиолетового оттенка, наложенные вокруг глаз, не лишали их живого блеска и не умаляли их величины. Кожа ее имела цвет состарившейся слоновой кости, но кровь, еще остававшаяся горячей, оживляла скулы легким розоватым оттенком, свидетельствовавшим об отменном здоровье.

Пожилая дама тоже с интересом смотрела на спасенную:

– А вы чертовски хороши, моя дорогая! – заявила она тоном, не терпящим возражений. – Вы китаянка?... Нет, скорее маньчжурка!.. и хороших кровей. Понимаю, что мужчина может потерять из-за вас голову, но что за глупость называть вас «голубкой»! Это вам совсем не идет.

– Да это было адресовано и не мне... Этот тип наверняка... ошибся вагоном и...

Другой пассажир, только что прибежавший и заметно возбужденный, прервал ее на полуслове. Он, кстати, тоже стоил того, чтобы на него полюбоваться, ибо забыл снять сеточку, прижимавшую его волосы, и странный аппарат, снабженный резинками, поддерживающий его усы. То, что он сказал, ошеломило всех:

– В двух вагонах отсюда проводники тоже оглушены! Они только начинают приходить в себя. Нужно остановить поезд, вызвать полицию! Я уверен, речь идет о нападении террористов!

– Не стоит! Через две минуты мы прибываем в Лион, – успокоил его Пьер Бо. – Там и снимут с поезда непрошенных гостей... возможно, нам даже удастся избежать слишком большого отставания от расписания! Пожалуйста, дамы и господа, будьте так любезны, разойдитесь по своим купе! За исключением тех, конечно же, кто взял на себя обязанность по восстановлению порядка в вагоне. Им я бесконечно благодарен.

В самом деле, «Средиземноморский экспресс» уже замедлял ход, за окнами показались огни пригорода древней столицы галлов.

Орхидея наскоро рассказывала Пьеру, как они поменялись местами с мадемуазель д'Оврэ, которая так пока и не решилась высунуть нос из купе.

– Она была так испугана, что не хотела, чтобы даже вы были в курсе, – добавила она с виноватой улыбкой. – И надо признаться, теперь я ее понимаю: это страшный человек!..

– Становится ясным, почему на меня и моих коллег напали. Этот русский наверняка задавал им тот же вопрос, что и мне: где находится мадемуазель д’Оврэ? Получая отказ, он отдавал приказ своему сторожевому псу, и тот оглушал проводника, давая хозяину возможность посмотреть в списки пассажиров...

– Однако, – заявила генеральша, – они же имели полное право узнать, имеется ли пассажир с такой фамилией?

– Безусловно, но люди такого рода обычно не верят тому, что видят. Он предпочитал удостовериться в правдивости полученной информации. Что касается меня, то мадемуазель д’Оврэ, сядя в поезд, выглядела крайне взволнованной, она дала мне соответствующие указания, и я ответил им, что ее в моем вагоне нет. Ну, чем все кончилось, вам известно...

Прибытие в Лион «Средиземноморского экспресса», освещенного словно в праздник (все пассажиры, конечно же, проснулись и были в высшей степени возбуждены), хотя обычно все происходило тихо и в темноте, произвело сенсацию. Примчались местные власти, была вызвана полиция и занялась виновниками переполоха.

Опасаясь предстоящего опроса свидетелей, Орхидея сказала, что неважно себя чувствует, и поручила Пьеру Бо вместо нее объяснить, что произошло.

– Пойду отдохнуть к себе в купе, – сказала она.

– Пойдемте-ка лучше ко мне! – предложила дама в сиреневых бигудях. – Я путешествую с мисс Прайс, а она англичанка и труслива, как маленькая собачка: едва услышала ваш крик, тут же бросилась под кушетку. Мы ее там и оставим! Кстати, я жена генерала Лекура, урожденная Бегон, благородных марсельских кровей. Что касается вас, то вы – мадам... Бланшар, если я правильно запомнила фамилию, по которой обращался к вам Пьер?

Орхидея не стала возражать.

В эту самую минуту начальник поезда и еще один служащий мощного телосложения с помощью проводника попытались вывести нападавшего, который, казалось, полностью успокоился и овладел собой. С акцентом, выдававшим в нем уроженца берегов Волги, он потребовал, чтобы ему дали возможность идти свободно:

– Я не позволять обращаться с собой, как со злоумышленник! Я великий князь Григорий Холанчин, двоюродный брат его величества императора всея Руси!

– Поверьте, я глубоко сожалею, князь, – сурово ответил ему Пьер Бо, – но вы ни с того ни с сего ворвались в чужое спальное купе и грубо набросились на эту даму, напугав ее. Более того, вы нашли нормальным оглушить безо всякой на то причины трех проводников, среди которых, кстати, был и я, и вы должны понимать, что в подобных обстоятельствах ваше дальнейшее пребывание в поезде невозможно.

Русский посмотрел на Орхидею с нескрываемым удивлением:

– Произошел чудовищный ошибка! Я не имею чести знать эта дама, и я ничего не понимать. Ведь на табличке было написано: мадемуазель д’Оврэ, номер четыре...

– В последнюю минуту все поменялось.

– То есть... моя Лидия здесь нет? – спросил князь, почти готовый расплакаться.

– Похоже, что нет, – ответила генеральша. – Однако, вместо того чтобы причитать, вы бы лучше извинились перед мадам Бланшар. Или вы считаете нормальным врываться к кому-либо, как ураган, не говоря при этом ни слова?

– Не надо давать уроки вежливости князь Холанчин! Он принесет извинения, но разве вы не видите, что он просто оторопел от восхищение: мадам красива, как пери¹¹ с берегов Волги! – в романтическом порыве воскликнул он. – Я очень грустно, что пугать вас, но я

¹¹ Пери – фантастические существа в виде прекрасных девушек в персидской мифологии, позднее сохранившиеся в преданиях у многих народов: киргизов, тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья и Южного Урала (прим. пер.).

безумно влюблен в моя обожаемая Лидия! Я хотел бы жениться на ней... подарить ей жизнь королевы... строить замок для нее, бросать состояние к этим маленьким ножкам, но моя обожаемая Лидия предпочитает всему этому какой-то жалкий театришко... Она уехала, даже не подарив мне последний поцелуй!

Он выглядел настолько искренне безутешным, что Орхидея почувствовала, как в ней зарождается симпатия к этому светловолосому великану, лицо которого, несмотря на его усы и импозантные бакенбарды, было простодушным, как у ребенка.

– Любовь – это чувство сложное, – ласково сказала она. – И порой очень трудно бывает предположить, оплатит ли она нам взаимностью...

– Лидия всегда говорить, что любит Григория! Но тогда – почему?

– Если вы ей дарили драгоценности и меха, – сказала, как отрезала, мадам Лекур, – ей трудно было говорить вам что-либо иное. Сколько вам лет, князь?

– Двадцать восемь. А почему вы спрашиваете?

– Да потому, что уже пора бы получше разбираться в женщинах... особенно в тех, кто выступает на парижских подмостках. Они ветрены, в основном – корыстны, а главное, они очень дорожат своей свободой. На вашем месте я бы попыталась найти себе другую подругу. Для вас это не должно быть трудным...

– О, нет! Такая очаровательная женщина найти трудно!

– Но попробуйте! Париж полон красивыми дамами. Что же касается вас, то мой возраст позволяет мне заключить, что вы хороший мальчик. Может быть, чересчур темпераментный, однако...

– Если вы позволите, мадам, – прервал ее начальник вокзала, начавший уже нервничать из-за этой неожиданной задержки, – я бы предпочел, чтобы мы покинули поезд и продолжили эту интереснейшую дискуссию у меня в кабинете. «Средиземноморский экспресс» и так опаздывает, а он, как следует из его названия, все-таки экспресс, а не черепаха. Он должен отходить...

Пока Пьер Бо и начальник поезда давали свидетельские показания агенту, ответственному за безопасность на вокзале Лион-Перраш, с поезда ссадили князя и его мохнатого казака, казавшегося немым, так как за все время он не проронил ни единого слова. Генеральша Лекур оставила свои фамилию и адрес на случай, если потребуются ее свидетельские показания. Орхидею пришлось сделать то же самое. Ее купе было теперь свободно, хотя дверь немного пострадала, и она выразила желание вернуться туда, чтобы не причинять неудобства своей новой знакомой.

– Вам нужно принять чего-нибудь ободряющего, – сказала та, взяв ее за руку. – Когда этот сумасшедший поезд тронется, найдите нам чего-нибудь выпить, мой маленький Пьер...

Орхидея согласилась:

– Отличная идея! Может быть, немного чаю?

– Чаю? – с гримасой ужаса воскликнула мадам Лекур. – И это вы называете ободряющим?! А не лучше ли будет выпить шампанского?

– Нет, спасибо. Я... я не очень люблю его. Все эти пузырьки щиплют нос и дают отрыжку.

– Отрыжку? О, Матерь Божья!.. Бедный Пьер Периньон, наверное, перевернулся в гробу!..

– И все же, может быть, вам принести полбутылочки, мадам генеральша? – предложил проводник.

– Нет, черт возьми! Впрочем, если вы выпьете со мной...

– На службе это невозможно, вы же знаете.

– А я-то надеялась! Ладно, принесите мне тогда стаканчик старого арманьяка... Ах! Пока не забыла: зайдите ко мне в купе и скажите мисс Прайс, что она может вылезти из-под кушетки и лечь в постель... Я скоро к ней вернусь...

Раздался резкий звук свистка.

Поезд слегка дернуло.

Пьер Бо, стоя возле двери вагона, которую он только что закрыл, задумчиво смотрел на убегающую освещенную платформу, и его вдруг охватило странное чувство благодарности к князю Холанчину. Ведь именно благодаря буйному характеру русского Орхидея совсем недавно заботливо склонилась над ним, Пьером, и это был миг настоящего счастья, по сравнению с которым огромная шишка у него на лбу ничего не стоила!..

В больших спальнях вагонов двери стали захлопываться одна за другой, шторы задергивались, пассажиры устраивались на ночлег, откладывая разговоры о случившемся до завтра.

Со своей привычной величественностью «Средиземноморский экспресс» снова пустился в путь – навстречу Стране солнца и сладкой жизни...

Орхидея с Агатой Лекур уже почти покончили со своими напитками, как вдруг раздался стук в дверь. Генеральша открыла, и перед ними появилась белокурая, вся взъерошенная и очень огорченная Лидия д'Оврэ.

– Я ненадолго, – сказала она, – но мне просто необходимо было зайти к вам, чтобы принести свои извинения, госпожа принцесса, а заодно и поблагодарить вас. Вы мне оказали очень-очень большую услугу...

– Совсем не желая этого, – уточнила мадам Лекур. – Но кто это здесь принцесса?

– Я, – вздохнула Орхидея, уже сожалеющая о минутном порыве гордыни, – но это не имеет никакого значения. Лучше будет теперь поскорее забыть обо всем этом! И, кстати, я понимаю, почему вы были так перепуганы. Какой ужасный человек!

– И это вы еще не все знаете! С тех пор, как он однажды пришел посмотреть на меня в «Буфф Паризьен», он просто сошел с ума. Он больше не желал со мной расставаться... Я думала вначале, что пришла большая любовь, ведь он был необычайно щедр и дарил мне невероятные вещи. Он утверждал, что никогда никого не будет любить, кроме меня, что он хочет на мне жениться...

– Великолепно! – воскликнула генеральша. – И вы ему поверили?

– Поначалу – да... Это было, как сон. Но я быстро поняла: выйти замуж за Григория – это значит полностью потерять свою свободу и оставить театр. А я обожаю театр! Тем более что дела у меня идут так хорошо. Но я не могла и шагу ступить, все время находясь под его наблюдением...

– Он контролировал вас? – спросила Орхидея, не в состоянии удержаться от любопытства к этой истории, так отличавшейся от ее собственной.

– Он – нет, но его слуга Игорь словно приклеился ко мне! Он следовал за мной повсюду, ждал меня возле моей ложи, сопровождал к парикмахеру... Самостоятельно я уже и пойти никуда не могла, даже когда Григорий находился у себя. Вы понимаете: я просто задыхалась!

– Нужно было сказать ему об этом, – выдохнула мадам Лекур. – Глупо вот так давать прибрать себя к рукам!

– Хотела бы я посмотреть на вас в подобной ситуации. Если я, например, говорила, что хочу поехать повидать свою мать, он уже приходил в бешенство! Я поняла, что пропала, когда он объявил мне, что мы уедем в Россию, где у него имеется большое поместье с многочисленной прислугой и где много снега. Там мы должны были пожениться. Вы понимаете? Мне необходимо было что-то предпринять...

– Ну и что же вы сделали?

– Во время одной из репетиций я попросила подругу взять мне билет на вечерний поезд, на послезавтра. После этого я назначила встречу со своим парикмахером. Безусловно, Игорь, его слуга, не покидавший меня ни на шаг, отвез меня туда, но у Гаэтано имеется задняя дверь, выходящая на улицу Вольнэ. Как только я приехала, сразу же послала за фиакром, заплатила за прическу и сбежала, как только подъехал экипаж. Я отправилась на вокзал... а дальнейшее вам известно!

– Похоже, он вас быстро нашел, – сказала Орхидея.

– Да уж! Ума не приложу, как ему это удалось. Возможно, проболталась моя подруга Фернанда, а может, он выведал все у Гаэтано – мы с ним давно знакомы. Мы из одних мест родом...

– Вы итальянка? – спросила генеральша.

– Нет, я приехала из Ниццы, там моя мать продает цветы. И только это Григорию не было известно. Он думает, что я дочь одного лионского шелкового фабриканта, который якобы прогнал меня, когда я захотела заняться театром. Мне еще повезло, что он не отправился к нему, чтобы попросить моей руки!

– А сейчас, когда мы оставили его именно в Ницце, эта мысль вполне может прийти ему в голову!

– Мне это уже безразлично! Все, чего я хочу, – это никогда больше его не видеть, и буду очень удивлена, если он меня отыщет. Там никто не знает Лидию д'Оврэ...

– Значит, это ваше настоящее имя? – спросила Орхидея.

– Меня зовут Репарата Гальоло. Попробуйте-ка с таким именем сделать карьеру в театре!

– Но если вы возвращаетесь в Ниццу, значит, вы отказываетесь от сцены?

– Лишь на время, не более того! Возможно, я найду место в Монте-Карло или в Италии. Во всяком случае, у меня есть деньги, и я могу подождать. А Григорий в конце концов вернется к себе в Россию. Но хватит говорить обо мне! Я только хотела сказать, что никогда не забуду того, что вы для меня сделали. Вы, если можно так сказать, спасли мне жизнь!

– Вы так думаете? А мне кажется, что этот человек вас любит и он очень несчастен!

Лидия непринужденно пожала плечами:

– Любовь, любовь!.. Так можно далеко зайти. Вы меня видите в образе важной русской дамы?

– Почему бы и нет! Элегантности вам не занимать...

– Ох! Я знаю, я могу пустить пыль в глаза на некоторое время, но потом все равно откроется, что я не породистых кровей. Григорию самому в итоге надоест его «голубка», как он говорит, и что тогда станется со мной, затерянной в степях?

– Ну вот, начинается, – со смехом сказала пожилая женщина. – А там, кстати, теперь есть поезд, который ходит через всю Россию и Сибирь до самого Владивостока.

– Этого для меня маловато! Мне нужно солнце – на улице или на подмостках. Еще раз спасибо, госпожа принцесса! Очень сожалею, что вы уезжаете так далеко, и у меня не будет больше случая повидать вас. Китай – это еще хуже, чем Россия, но по сути вы поступаете, как я: вы же возвращаетесь к себе? И я вам желаю счастливого пути... и много-много счастья!

Орхидея дорого бы заплатила, чтобы Лидия выразила свою признательность более сдержанно.

Она вздохнула с облегчением, когда та покинула ее купе, так и не задав вопросов, которые вертелись у нее на языке...

К еще большему изумлению Орхидеи, генеральша также не задала ни одного вопроса: она только с удовольствием допила последние капли спиртного. Затем она поднялась, чтобы вернуться к себе, пожелав спокойной ночи своей новой знакомой. А та как раз не смогла удержаться и сама задала, возможно, неосторожный, но сильно мучивший ее вопрос:

– А как вы догадались, что я маньчжурка, а не китаянка?

– Мой покойный муж служил в Тинцзине в течение многих лет. Там я и научилась видеть различия. Это просто, когда хорошо знаешь оба народа...

– А вы... любили Китай?..

– Очень! Но зачем употреблять прошедшее время: я его люблю и сейчас! Выспитесь хорошенько! Увидимся в Марселе...

Со вздохом облегчения Орхидея покрепче закрыла дверь, немного расшатанную ударами князя Григория. И уже уверенная, что больше никто не оглушит проводника и не набросится на нее, она с удовольствием потянулась к кровати и быстро заснула.

Такого тяжелого дня у нее не было никогда, даже во время осады. Выспаться – это было сейчас самое главное.

А в это время, одернув свою спутницу, в страхе ожидавшую следующей атаки террористов, Агата Лекур вышла из своего купе, чтобы немного поболтать (как завсегдатай этого маршрута) с Пьером Бо, которого она давно знала. Безусловно, ее разбирало любопытство: она желала прояснить кое-какие темные места из того, что сказала мадам Бланшар, равно как и некоторые непонятные фразы, оброненные певицей. В голове Агаты Лекур теснились вопросительные знаки, и все они, по сути, сводились к одной мысли: что эта странная и очаровательная молодая женщина на самом деле собиралась делать в Марселе?

Зная проводника, она не могла не понимать, что он – самый скрытный в мире человек и разговорить его будет настоящим подвигом. Он и в самом деле лишь повторял слова самой Орхидеи:

– Она едет к мужу...

– Ах, вот как! И они оба потом отправятся в Китай?

Пьер, привыкший к самым неожиданным вопросам пассажиров, на этот раз лишь удивленно повел бровями:

– Это она вам сама сказала?

– Нет. Наша театралочка. Она благодарила ее и выразила сожаление о том, что та скоро уезжает на Дальний Восток, что сделает невозможной их скорую встречу. Что вы об этом думаете?

Пьер послал пожилой даме очаровательную и немного застенчивую улыбку, так нравившуюся пассажирам «Средиземноморского экспресса»:

– Может, это и так, но на вашем месте я бы больше полагался на то, что сказала сама мадам Бланшар. У вас слишком пылкое воображение, мадам генеральша, и, если позволите, я бы заметил, что вы слишком уж увлекаетесь приключенческими романами.

– Вот как! Я заранее знала, что вы мне ничего не скажете, но я всегда исхожу из принципа, что следует рискнуть: вдруг получится?! Вижу, мне лучше всего сейчас пойти поспать, иначе я так и не сомкну глаз, а мисс Прайс скажет потом, что я вся какая-то помятая. Спокойной ночи!

– Я провожу вас до двери, чтобы убедиться, что в этом вагоне все в порядке.

Никаких шумов, кроме звучных посапываний, в вагоне не раздавалось.

Возвращаясь на свое место, Пьер слегка дотронулся рукой до двери купе Орхидеи, чтобы проверить, закрыта ли она, а потом сел на служебное сиденье.

История об отъезде в Китай его явно заинтересовала.

Неужели молодая принцесса сказала это лишь для того, чтобы избавиться от назойливых вопросов?

Насколько он ее знал, она, конечно же, не захотела бы видеться с Лидией д'Оврэ: ей отлично было известно мнение Эдуара о подобного рода отношениях.

Да, именно так!

Но при этом Пьер не мог не прислушаться к своему внутреннему голосу, который нашептывал ему:

«А если это и в самом деле так? А что если Орхидея и правда возвращается к себе на родину?» Это объясняло сразу многое: прежде всего тот факт, что она едет одна, без мужа, в то время как их никогда не видели порознь.

С другой стороны, у нее ведь практически нет никакого багажа...

И что это значит?

Может быть, это просто импульсивная реакция влюбленной женщины, которой стало невмоготу переносить одиночество у себя дома и которая в один миг собралась и поехала к мужу, не дав себе времени даже собрать чемодан?

А может быть, тут дело в ревности?

Нет, это невозможно: в этом случае Орхидея направлялась бы в Ниццу, куда, по ее же словам, уехал к своей матери Эдуар...

А что если молодая маньчжурка действительно решила уехать в Китай, возможно, в результате какой-то семейной ссоры?

Почти не выходя с Бланшарами, Пьер был не в курсе их личной жизни.

Может быть, роман, зародившийся на берегу Нефритового канала, уже подошел к концу?

Это, по крайней мере, объяснило бы взволнованное состояние молодой женщины. Но как узнать правду? Во всяком случае, имела место некая драма, а он, несмотря на всю свою любовь, ничего тут не мог поделать...

У него мелькнула мысль оставить свой пост и последовать за ней в Марселе.

Они уже проехали примерно три четверти пути. Может, сказать больным и попросить кого-то из коллег взять на себя два вагона до Ниццы? Удар, нанесенный князем Холанчиным, мог бы послужить ему причиной для этого...

Одна мысль о том, что придется оставить Орхидею одну, в большом шумном мегаполисе с его космополитизмом и круговертью, наедине с опасностями, которые всегда подстерегают людей в больших портовых городах, вызывала у него беспокойство, почти ужас...

Нужно было что-то предпринять.

Зимний день еще не наступил, когда поезд въехал на вокзал Сен-Шарль. Мистраль, дувший со стороны Валанса, сгонял пыль с платформ и трепал одежду на тех, кто там находился.

Когда Орхидея вышла, Пьер помог ей спуститься из вагона и задал вполне невинный вопрос, посмотрев с высоты ступенек на толпу встречающих:

– Я не вижу вашего мужа. Разве он не придет вас встречать?

– Нет. Мы встретимся с ним днем в отеле.

– В «Ноайе», конечно же?

– Нет. В том, что... рядом с вокзалом. Мы... мы не задержимся в Марселе.

Мадам Лекур шла за молодой женщиной в сопровождении высокого, неопределенного цвета создания (волосы то ли белокурые, то ли седые, лицо растерянное и одежда невнятного оттенка), делавшего героические усилия, чтобы не зевать. Со свойственной генеральше свободой в высказываниях она тут же вмешалась в разговор:

– В «Терминюсе»? Что за странная идея! Там обычно останавливаются всякие невозможные иностранцы, провинциальные нотариусы и коммивояжеры... да еще и вокзальный шум и дым!

– Мы проведем там всего одну ночь. То есть это неважно!

– А затем вы сядете на пароход?

– Я думаю... но я не уверена. Мой муж хочет мне сделать сюрприз.

Эти вопросы раздражали молодую женщину. Ступив на землю, она протянула руку Пьеру:

– Спасибо за ваши заботы и любезность! До скорого, я надеюсь?

– Минуту! Я позову вам носильщика. И он проводит вас прямо в отель.

Он тоже нервничал. Начальник поезда запретил ему выходить в Марселе:

– Дело конечно, ваше, старина, но у нас Леблё и Виньон тоже получили по черепу.

Постарайтесь продержаться до Ниццы! Это моя личная просьба.

Что на это ответишь?

Впрочем, не все еще было потеряно.

По прибытии ему нужно будет тут же вскочить в первый попавшийся поезд на Марсель и вернуться в «Терминюс», чтобы посмотреть, как идут дела.

Тем временем генеральша, шедшая рядом с Орхидеей по направлению к контролерам, тоже попрощалась с ней:

– Я немного раздосадована. Моя карета ждет меня, и я думала, что мы доедем вместе до вашего отеля. Мы еще увидимся?

– Будем надеяться. Лично я была бы очень рада...

– Тогда обменяемся адресами. Если вам что-то понадобится в ближайшем будущем или пока вы здесь, не стесняйтесь ко мне обращаться!..

И, достав из сумочки тонко гравированную визитную карточку, она протянула ее Орхидее, а затем неожиданно взяла ее за плечи и расцеловала в обе щеки, прежде чем удалиться широкими шагами с мисс Прайс, семенящей следом.

Орхидея заметила, что генеральша не стала ждать, чтобы она тоже дала ей свой адрес. Она увидела кучера в темно-зеленой ливрее и с кокардой, бросившегося навстречу пожилой женщине, и тут же потеряла интерес к попутчицам, следуя за своим носильщиком, направлявшимся к другому выходу. Она шла и думала, что скоро вот так же будут сожжены все мосты, соединяющие с ее западным прошлым...

Несмотря на пренебрежение, выраженное генеральшей Лекур, отель «Терминюс» оказался красивым сооружением с давней хорошей репутацией, а также с персоналом настолько любезным, сколь и сдержанным. Орхидея записалась под именем мадам Ву Фанг, точно как это рекомендовалось ей в письме. Поскольку она не могла представить паспорт, ей пришлось заявить, что завтра приедет ее муж и привезет все необходимые бумаги. Ей поверили и предоставили комфортабельный номер, стены которого были обтянуты желтым репсом с голубой тесьмой, и над всем этим царствовала гравюра Богоматери-защитницы. Два окна с балконом открывались на чудесную панораму города серо-розового цвета, простершуюся до голубой арки Старого моста.

После предыдущего посещения Франции у Орхидеи осталось чудесное воспоминание о Марселе.

Она полюбила великолепие его карет, повозок с тентами, трамваев со свистками, гуляющих, моряков, женщин, которые, как некогда их греческие прапрабабушки, носили на голове корзины с фруктами, хлеба и кувшины с маслом, а на бедре – сетки со свежей рыбой, сверкающей своей свежестью. Хватало там и элегантных дам, и красивых упряжек, так как древняя Фокея¹² благодаря прорытому Суэцкому каналу обрела богатство, значимость и процветание. Это кипение жизни выплескивалось в море, где на уровне воды высился лес мачт, рей, пеньковых тросов и вантов. Орхидее нравилось это изобилие, яркие цвета, свет и голубой утренний воздух. Однако обежать город под руку с любимым человеком, будучи счаст-

¹² Фокея – один из двенадцати ионических городов на западном берегу Лидии в Малой Азии, основанный афинянами. Фокейцы считаются основателями Марселя (прим. пер.).

ливой и необремененной никакими заботами, – это не то же самое, что взирать на него в полном одиночестве с высоты четвертого этажа, зная к тому же, что все это ты больше никогда не увидишь...

Не испытывая никакого желания соприкоснуться с городом, молодая женщина решила не выходить.

Завтра утром, перед отплытием, у нее будет время сделать кое-какие покупки, необходимые перед дальней дорогой. Она лишь попросила, сославшись на усталость, чтобы ей подали еду в номер и принесли газеты. Не для того, чтобы узнать новости об убийстве своего мужа (для подобных публикаций в провинции было еще слишком рано, весть о драме дойдет сюда лишь завтра, да и то если она покажется интересной для южан), а для того, чтобы посмотреть там время отправления ее корабля и его место на причале.

Она внимательно изучила рубрику, касающуюся движения судов в порту, но корабля под названием «Хугли», отплывающего на следующий день, там не было, как не было вообще ни одного корабля до Дальнего Востока раньше, чем через три дня.

Она довольно долго сидела на краю кровати, держа газету в слегка дрожавших руках. Что все это должно было означать?

Зачем ей дали все эти указания в письменном виде, если в них не было ни слова правды?!

Для маскировки – вдруг бы письмо случайно попало в чужие руки?

По сути, это было единственное разумное объяснение, и она вспомнила о хитроумных методах, применяемых «Красными фонариками». Одно было очевидно: завтра утром по прибытии «Средиземноморского экспресса» кто-то будет ее ждать.

И этот кто-то – ключ к разгадке.

У беглянки нет выбора: любой ценой нужно с ним встретиться.

Оттолкнув ногой газету, она нашла в своей сумочке бирюзово-золотую застёжку и долго нежно гладила ее.

Эта драгоценность была ее спасением и паспортом одновременно, ключом от всех бронзовых дверей Запретного Города! Если обозначенный в письме сопровождающий покажется ей ненадежным, она не станет входить с ним в контакт, а сама попытается сесть на ближайшей корабль до Китая.

Пусть даже для этого надо будет ждать три дня в этом городе... целую вечность!

Но не успела она об этом подумать, как ее осенило. Какая же она глупая, ведь у нее нет никаких документов на имя мадам Ву Фанг, да и ни на любое другое тоже, за исключением свидетельства о браке!

Она записана только в паспорте Эдуара, а он теперь далеко...

Как проходить таможенную, а потом полицейский пост при входе на трап корабля без документов?

Нет, ее единственный шанс уехать без осложнений – встретиться и договориться с незнакомцем через несколько часов.

Другого выхода нет!

День показался ей бесконечно долгим, а ночь – еще длиннее.

Она заставила себя поесть и немного отдохнуть, но сон получился беспокойным и нервным и не принес ей облегчения. Что касается чая, который ей подали, то это был чай лишь по названию: какая-то черновато-коричневая смесь настоя из неведомых трав и жидкости для мытья посуды...

В пять часов утра, не в силах больше лежать, она встала, умылась холодной водой, что ее взбодрило, оделась и собрала вещи. Затем, сев к секретеру, стоявшему возле одной из стен, она взяла лист бумаги с логотипом отеля и конверт, нацарапала несколько слов,

предупреждающих дирекцию о том, что она вынуждена покинуть заведение раньше, чем предполагалось, положила письмо в конверт, сопроводив его банкнотой, запечатала конверт и оставила его на видном месте – на камине. Взяла свой небольшой багаж, спрятала его под просторной шубой, закрыла дверь номера и спустилась в холл – пешком, а не на лифте. Для ночного портье у нее был заготовлен ответ, хотя в этом отеле, прилегающем к вокзалу, ночные приходы и уходы были обычным явлением. Однако портье все-таки ее заметил:

– Мадам любит раннее утро...

Нужно было что-то сказать, и Орхидее удалось спокойно ответить:

– Мой муж приезжает «Средиземноморским экспрессом», и я пойду его встречать, так как он не знает, в каком отеле я расположилась.

Все выглядело вполне естественно, и человек открыл перед этой элегантной дамой дверь, ведущую прямо в зал ожидания.

Несмотря на ранний час, там было много народа.

Служащие вокзала собрались в начале платформы, на которую должен был прибыть «Средиземноморский экспресс».

Орхидея осторожно подошла, пытаясь определить: кто ждет ее?

И она увидела.

Их было трое: двое мужчин и одна женщина, все одеты в черное, словно готовились к похоронам. На головах мужчин были одинаковые высокие котелки, но лица были явно азиатские. Лицо женщины было закрыто длинной вуалью, какие обычно носят вдовы...

Орхидея подумала: кто бы это мог быть?

В этот момент незнакомка порылась в своей сумочке и достала белый носовой платок, чтобы поднести его к лицу. Траурная ткань мешала ей, и она отбросила ее раздраженным жестом, открыв лицо: это была Пион...

На миг Орхидея застыла на месте, словно вкопанная.

Присутствие той, которую она по праву считала своим врагом, заставило ее испытать еще большую тревогу. Она явственно почуяла западню. Первым желанием было повернуться и убежать, но тут же она подумала: другого случая узнать побольше о череде несчастий, обрушившихся на нее, может не представиться...

Троица стояла спинами к входной ограде платформы.

Они смотрели в сторону путей, откуда должен был прийти поезд, не думая о том, что происходит позади них. Орхидея медленно подошла, почти касаясь переплетений кованой ограды. В этот момент гундосый голос из громкоговорителя объявил, что «Средиземноморский экспресс» опаздывает на пятнадцать минут, что вызвало недовольство одного из мужчин:

– Этого нам еще не хватало! Да мы тут околеем. Пойдем, выпьем чего-нибудь горячего!

– Никто не двинется отсюда ни на шаг! – сухо отрезала маньчжурка. – Мне тоже холодно. Но стоит нам замешкаться хоть на секунду, и мы ее упустим... Кроме того, здесь вы должны подчиняться мне.

– Извините! – пробормотал мужчина. – Будем надеяться, что мы не теряем даром время, и она в поезде.

– Будьте спокойны, она там! Она отлично знает, что будет, если она не послушается.

– Она уже один раз предала, – сказал третий. – Зачем ей следовать вашим указаниям?

– Она предала из-за любви к желтоволосому варвару, из-за которого она лишилась рассудка. Если бы речь шла о ее собственной жизни, то у нас не было бы ни малейшего шанса, но она не перенесет даже мысли о том, что он может быть убит. К тому же я знаю, что она уже начала подчиняться и что золотая застежка у нее. Остается только ее дожидаться...

– А если муж приедет вместе с нею?

– Тут нечего опасаться. Он отправился в дорогу без нее, и меня тут же известили об этом. Я давно ждала этого момента.

– А как вам это удалось, о, всемогущая?

– Это вас не касается! От вас требуется лишь препроводить ее до кареты после того, как я вам на нее укажу...

– Мы знаем! – проворчал мужчина.

– Никогда не вредно повторить приказ, чтобы убедиться, что он хорошо понят... но вот и поезд! Видите, я была права, заставив вас остаться. Поезд почти наверстал опоздание...

И действительно, громкоговоритель объявил о прибытии «Средиземноморского экспресса». Орхидея осторожно отошла и, не теряя их из вида, стала наблюдать, сев на одну из скамеек, стоявших вдоль стен. Она специально расположилась рядом с выходом, чтобы быть уверенной, что не упустит тех, за кем следит.

А она решила проследить за Пион и ее спутниками, когда те покинут вокзал.

То, что она только что услышала, ее совсем не удивило.

Ложные показания слуг полностью исключали какой-либо сговор между ними и ее соотечественниками. Гертруда и Люсьен ненавидели и презирали Китай и все, что с ним связано. И зачем им было помогать Пион убивать своего хозяина?! Но если маньчжурка не причастна к этому преступлению (а в этом Орхидея теперь была убеждена), то кто же тогда был истинным виновником совершенного убийства?

Зато благодаря подслушанному разговору она теперь знала о происхождении письма.

Один из мужчин обратился к Пион, назвав ее «всемогущей».

А это могло означать лишь одно: теперь именно она является «Священной Матерью Желтого Лотоса», пользуется полным доверием Цзы Хи и командует «Красными фонариками», что делало ее еще более опасной, чем когда-либо...

Пока молодая женщина размышляла, пассажиры вышли из поезда на перрон, а маневренный локомотив начал совершать операцию по переходу на путь, ведущий к Лазурному Берегу. Шум и дым огромного локомотива заполнил вокзал. На платформе остались всего два или три свободных носильщика, рабочий с ручной масленкой и контролер.

Люди, встречавшие Орхидею, отказывались верить своим глазам и не трогались с места.

Но потом все трое повернулись и бросились к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.